

СМЕНА

№ 10 МАЯ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

**ЛУЧШИЙ
КУКОЛЬНЫЙ
ТЕАТР
МИРА**

Юрий Георгиевич Зре́ев.

— Мы ехали сюда не ради риска. Ехали работать. Потому не ждали, что природа вот так сразу воспротивится нас только за то, что мы не побоялись спуститься в тайгу и эдакие непролазные болота.

— Но, наверно, были и такие, что думали по-иному?

— Были. Но их давно здесь нет.

Уехали.

— И что же?

— А ничего. Привет им и лучшие пожелания.

Позже я заметил, что эту любимую свою приписку он повторял каждый раз, когда рассказывал о людях, с которыми в разные времена пришлось расстаться и последующая встреча с которыми не представлялась заманчивой. Посылая «привет и лучшие пожелания», он как бы навсегда вычеркивал их из своей собственной жизни.

Но тогда я этого не знал, попросил уточнить, а Юрий Георгиевич объяснил:

— Есть люди, которые любят геологию. А есть, кто любит себя в геологии. Их интересует не дело, а то, что они могут урвать с него. Понимаете, я не о тех, кто случайно выбрал нашу профессию, ничего геологии не дав, ничего у нее не взяв и ушед. Я о тех, кто в любой работе видит прежде всего личную

выгоду, и только ее. От них всегда только вред. Вот таким Тюмень оказалась не по зубам.

— Почему?

— Они хотели стричь купоны. А тут приходилось работать, искать, ждать результат от каждой скважины, разочаровываться, но работать снова, ждать. Шоймите состояние тех, кто приехал сюда в пятьдесят втором или еще раньше, Березовский газ Саши Бастрыцкого открыл в пятьдесят третьем. Открыл случайно, пробурил скважину совсем не в том месте, где, по расчетам, должен был бурить, и если бы все сделал как надо по проекту, вместо газа получил бы воду. А потом мы долго дырявили землю на самых, казалось бы, перспективных площадях, но там ничего и не находили. Промышленная нефть была получена только в шестидесятом. Крупные ее месторождения нашли еще позже. Главное же, возможно, еще не найдены.

Теперь представляете: ждать восемь—десять лет, когда результат хочется иметь сегодня, сейчас? Некоторые этого не осилили. Но большинство осталось. В нашем главке

немало людей, что отработали здесь уже восемнадцать—двадцать лет. Процентов шестидесяд с десятилетним тюменским стажем. Они-то и открыли все, что теперь известно.

— И все-таки согласитесь, Юрий Георгиевич, что и уехавшим понять можно, ведь в самой профессии геолога скрыта большая несправедливость, потому что многие зависят от удач, случая. Вы сами сказали, что не всегда находишь то, что ищешь. Один пробурил скважину на новом месте, нашел нефть, и его назначают первооткрывателем. Другой бурит рядом, работает не меньше, но пошла вода. Согласитесь, что такую психологическую нагрузку вынести совсем не просто. Или таких случаев не бывает?

Бывают. И психологически нагрузки бывают.

— Но почему они происходят?

— Каждый человек склонен переоценивать себя, свои способности. Это аксиома, наверно, в самой человеческой натуре. Умный переоценивает себя меньше, глупый—больше. Но геология хороша еще и тем, что быстро лечит от этого недуга. Рано начинаешь понимать, что на самом деле ценно в жизни, а что преходящее. Остается гордость за сделанное, чувство исполненного долга. Мелочное тщеславие, легко-

ранимое, болезненное честолюбие уходят.

— А что, на ваш взгляд, самое главное в профессии геолога? И не об отдельных мастерах, необходимых ему, а о самом главном в его работе. О том, что вымочит в себя все эти качества, что особенно отличает профессию геолога от всех других.

Юрий Георгиевич задумался лишь на мгновение. Показалось, что и ответ у него был давно готов:

— Мне кажется, что самое главное—желать быть психологически заряженным на победу. Человеку, который легко поддается первой же неудаче, которого первая же трудность вышибает из колеи, такому человеку ничего делать в геологии.

Геолог может ошибаться. Может сомневаться в своих прежних выводах, может возвращаться к дискутируемому ранее, переделывать, пересматривать, переосмысливать то, что когда-то казалось беспорным. Но он всегда обязан верить в конечный успех, может быть, даже вопреки фактам.

— Согласитесь, это не просто, если факты говорят: успеха не будет.

— Ну и что же? Не падать же

вершина подсчеты, он сопоставил результаты. Позиция Тюмени опять была предпочтительнее.

— Понимаю, дорогой мой, — сказал он в конце, — можно корить человека крошками, а можно — отрезать ломом от каравая. Пусть даже по весу они будут одинаковы, но все равно из крошек не слепишь идеальный кусок. Так и тут. Природа в Валадской Сибири сотворила прекрасный

каравай, природное хозяйство должно остаться хорошим, помноженными ломтами, а не собранными крошками нефти и газа.

И я подумал: «Везет человеку, который момент так просто защищает свою точку зрения».

Трое детей Эрве пошли по стопам отца. Старший сын, Юрий, ищет работу в Томской области. Александр работа-

ет бурением в Горнопродвинске. Маша после геологического факультета МГУ работала в Тюмени, теперь также продвинула его дело.

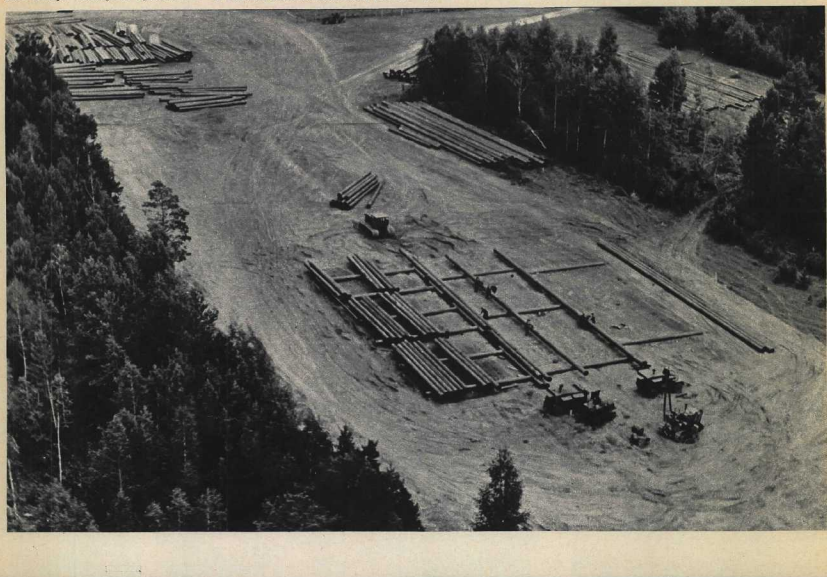
И, казалось бы, мой человек успокоился. Седьмой десяток все-таки пережил. А он говорит:

— Что открыто — то открыто. А нужно идти дальше. Самое главное теперь: найти нефть на Урале. Для меня в этом скрыта и чисто

личная цель: хочу подтвердить свою точку зрения, что под мощной газовой залежью здесь находится вторая нефтяная Самогора.

Участок подготовки труб для нефтепровода.

Фото Геннадия КОПОСОВА

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«ДИАЛЕКТИКА ОДНОГО ХАРАКТЕРА»

«СМЕНА» № 3, 1974.

То, что открылось нам в дневнике Ларисы Е., — пример для многих. Говорю по-мальчишески откровенно: это здорово! Не восхищаю, не все принимаю для себя, хочется о многом посперить, но primarily главное — понос самого себя, создание собственной личности. Мне хочется встретиться с Ларисой Е., но не сейчас, а лет через пять. Навязываюсь? Да, я навязчива, если человек мне понравился, люблю «выпытывать» из него все лучшее и «пропустить» это через собственное сознание, чтобы упрочнить в себе.

Н. АНТИШЕВ, г. Дзюмудул.

Статья О. Кучиной заставила меня о многом задуматься, пересмотреть собственную жизнь, увидеть чуждыми мир человека, близкого моему идеалу. Мне двадцать лет, недавно закончила библиотечный техникум, готовлюсь поступать в Институт культуры, на библиотечное отделение. Ищу в себе, куда приехала по назначению. Ищаща и знаниям у меня огромная и чем дальше, тем больше, жить мне интересно. Село наша большое, культурное, у меня много друзей среди учителей, комсомольских работников; общение с ними помо-

гает мне во многом. Я занимаюсь самообразованием, хотя лишена возможности бывать в театрах и музеях.

Статья в «Смене» заставляет нас, сельскую интеллигенцию, «спросовать» свою жизнь так, чтобы каждый час получать знания и отдавать их другим.

Л. ДАНИЛЕНКО, Довецкая область.

Публикация дневников нашего молодого современника очень любопытна и поучительна. Лариса Е. — человек выдающийся, не совсем обычный, не ordinary. Психологические записи в дневнике дают возможность человеку осмыслить себя во времени, понять свои ошшоки, подняться до уровня обобщений. Это стремление к совершенствованию на основе точного научного знания и отличает современного человека, человека мысли и действия. Именно действия, потому что не мысли на основе узанного и обдуманного могут действовать. Людей, подобных Ларисе Е., много, но относительно общей массы людей их еще мало. Поэтому публикация дневников Ларисы Е. и ей подобных необходима. Необходима и периодика, обмен мнениями, ингадами. Редакция «Смены» сможет помочь и в этом.

Ю. АНИКИЕВ, г. Рига.

Дорогая редакция! Пишет вам солдат, пограничник. Служу первый год. Побольше бы таких статей, как «Диалектика одного характера»: побольше материалов учат нас, двадцатипятилетки, жить, и не просто так, а с большим стремлением, дают духовную пищу, заставляют думать, ценностно-ценно. Я не хочу утверждать, что жизнь Ларисы Е. — идеал для подражания, но ее пример помогает «арвать» самого себя». Нас никому учат в школе, в вузе, однако строить свое мнение, свое «я», отношения с людьми, повышать свое интеллектуальное развитие, чуткость души человек должен сам, индивидуально, лично.

В. САВЧЕНКО, Армянская ССР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Двадцать лет — время интенсивных поисков своего «я», время самоосмысления, самоотражения личности. Становится и трудная пора...

Всегда молодому человеку нужно звать мысль А. И. Герцена о том, что каждый человек сам себе цель: назначение каждого человека — решать в себе все человеческое, общее и исключительное. Все люди имеют равное право на дары духа, говорил этот человек, сам достигший величия духа, сумевший обратить собственные достоинства на благо человечества.

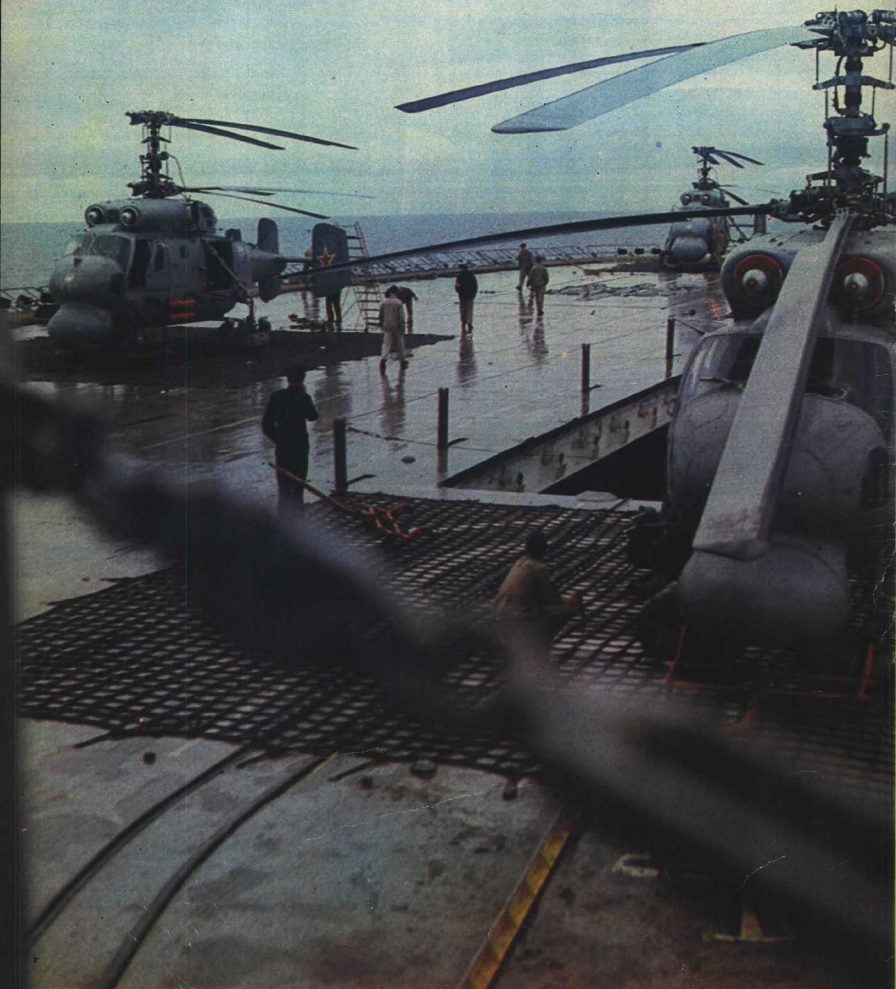
В смысле-откликах, пришедших в редакцию, четко проглядываются характеры их авторов — это шуршащие, живые натуры, которые не будут надеяться только на коллектив, ноки он их образумит, сформирует, — они сами ищут и в жизни собственных открытий. И пусть поближе это будет повторение уже найденного друзьями, но это то повторение открытий, которое и делает жизнь осмысленной.

Самоотдельное приобщение к науке, искусству, изучение всех тех богатств, которые вырабатало человечество, и обращение полученных знаний на пользу людям — это и есть вымысел главного завета Владимира Ильича Ленина, вымысел главного из III съезда комсомола.

Редакция была бы интересно получить от своих читателей из Оренбурга, Омска, размышления о жизни, о работе над собой, о самоопределении. Наиболее интересные, с согласия авторов, мы намерены опубликовать на страницах «Смены».

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Евгений МЕСЯЦЕВ, специальный корреспондент «Смены», фото автора

Ветер жаркий, напористый со свистом гуляет в надстройках и антеннах. В блеклом рассвете проплывает высокий истремный берег. Через двадцать минут мы войдем в чужие воды.

«На сигналном! Поднять турецкий флаг!» Это сказал капитан первого ранга, командир противолодочного крейсера «Ленинград», Звездовский будет проводить свой корабль через Босфор и Дарданеллы.

Босфор как Босфор: серо-зеленая вода, извилистый, узкий фарватер. Мирноно стодятся берега, рвется, приближаются дома Стамбула, и Звездовский почти останавливает машины, чтобы не раздавить рыбацкую фелюгу или паром, для которых здесь нет ни порядка, ни морских законов. Им нет дела до нервов Звездовского, который осторожно ведет «Ленинград» в самую узкую часть Босфора, к заливу Золотой

рог. Небо насадет на минареты, дым от утренних очагов выстилает крутые прибрежные улицы, где еще не погасли разноцветные огни рекламы: «Обе самый малый вперед... обе средий... лево на борт... отвора-чивая!» Только через два часа, в Мраморном море, Звездовский наконец выйдет на полную мощь корабельные машины, передаст свои права старшему, а сам тут же, на ходовом мостике, сядет в высокое командирское кресло и закроет глаза...

Звездовского провожали жена и две дочери. Командир глянул на них в сильный перископ, когда «Ленинград» уже выбрался на чистую воду: девочки что-то говорили матери, и никто из них уже не смотрел на корабль.

Ориентир на палубе играл «Славянку», все свободные от вахты не отрывали биноклей от берега, корабли на рейде отдавали ленинградцам прощальный салют: «Желаю счастли-

вого плавания! Горжусь, что провожаю вас!»

Этот невысокий податнутый человек попал на флот случайно: «Сбил с понтальку старший брат. Его служба началась в дивизионе легких шхерных катеров Балтийского флота. «Золотые годы» он провел в Заполярье, где и убедился окончательно, что море — его призвание.

«Учебная боевая тревога!»

Все кругом шуршит, шипит, гудит, щелкает, звенит, пыхтит, рычит... Это ортерин, вены и вены «Ленинграда», его связь с внешним миром, его внутренности, его жизнь. С третьей палубы мне нужно подняться на ходовой мостик. Лабиринты люков, трапов, перегородок. Люди бегут и своим местам из всех щелей. Иногда кажется, что вот-вот разорвется потолок моей каюты и оттуда начнут прыгать офицеры и матросы.

Пять часов утра. «Воздушная цель номер восемь». Высота — 400 метров, скорость — 1 020, курс — на корабль...»

К поиску подводных лодок готовится группа противолодочных самолетов крейсера «Ленинград».

На рубках Средиземного...

Вахту на юге несет старшина второй статьи Александр Гаевый.

Имя молодого болгарского поэта Ивана Николова хорошо известно любителям поэзии в Болгарии. Его перу принадлежит десять стихотворных сборников, лучшие из которых — «Большое лето», «Качели над миром», «Ю». А сборник его стихов «Залпах помыли», который вымел из печати в прошлом году, удостоен Союзом болгарских писателей награды как лучшей поэтической сборник 1969 года.

Иван Николов хорошо известен и как переводчик русской и советской поэзии. Советская поэзия оказала большое влияние на творчество поэта, и многие его стихи последних лет посвящены таким поэтам, как Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий, Николай Тихонов, Евгений Винокуров, и жемчужинами в этой его подборке стихов «Болгарский писатель» выделены «сборник стихов Ивана Николова, который называется «Отжарка». В этой яркой и необычной но замыслу книге объединены стихи, посвященные русским писателям, а в основном — советским поэтам. В этих стихах Николов рисует образы поэтов, чьи стихи даровы в близкий ему, находит в отголоске самые яркие и характерные черты их творчества. Большой любовью к русской поэзии пронизана эта книга болгарского поэта.

В традиционный День поэзии в Михайловске — 6 июня — прозвучат и эти стихи как гимн Пушкину, имя жуже русской поэзии.

С будущей жизнью не кончены счесть,
И в сердце звенит бесконечная нота.
И надает рыжее солнце
И голубь почтовый летит в смену.
По склонам крутым, по зеленым откосам
Ходит Багрицкий, аваранум носит.
В омутах сонных — обильна, щедря —
Восходит созвездия, шучьяй икры.

Николай Тихонов

Нам скучать наш век не дал ни разу,
Кровью нас крестил, с огнем родины.
Спокойно неграженные аляски,
Нам силны звездные аляски.

Если все же смерть придет когда-то,
То пускай на суд в последний раз
Рыжые приходят аляски,
Уж они-то знают все про нас:

Как мы шли среди взрывов и пожаров
Под спящей вальмовой дугой.
И о том, как штык наш был товарищ
И как пуля нам была слуга.

Быстро жизнь проходит — не успеem
Мы забыть сырцовый овог,
Гололед под Рыгой и метели,
И под мушкетом небом Перекоп.

От врага бураном болем скрыты,
Шли мы, борода кровавай лед.
И беззачно падал друг убитый,
Делая последний шаг вперед.

И лишь в наших мнечах тревожно,
Как бывает только на войне,
Притяжес мечта о невозможной,
Безмятежной сладкой тишине.

Тебя ведет сквозь жизнь привычный путь
С завядшей прямой и постоянством.
А Болдино —
Твой Рай, твой Страшный суд
Лишь в двух шагах...
Останься в нем, останься!..

В осенний вечер, в сумерках прохладных
Взойди над постоянной суетой
По ступням вечной пушкинской баллады,
Как по ступням лестницы крутой, —

И не уйдешь из той, невероятной,
Наполненной стихами тишины.

Эдуард Багрицкий

Кипит бытие и в гнезде и в берлоге —
От вольчей вранды, от сорочьей тревоги.
Багрицкий стоит среди солнечных брызг
И слушает птичьей разбойничьей свист.
Свой хлеб отдает он отчаянным птицам:
Достанется всем — ни к чему торопиться!
Но очень недолги ни минуты покоя,
И здесь начинается нечто другое.

Евгений Винокуров

Рискую, научусь, как будто
По краю пропасти кому.
Поэт Евгений Винокуров.
Его стихи перевожу.
Я вижу, как в стихах витает
Травчатый и вышней свет.
Мне в них любая запалта
Напоминает пули след.
Лежат и Витяна и Сережа
В земле.

Прошло так много лет.
Но боль сердца еще тревожит —
Той боли не переболеть.
На Мухомой и Малой Бронной
Надпись с тоской своей
Ждут матери в ночи бессонной
Своих погибших сыновей.
Все так же ждут девичьих вестей
От них, от сверстников своих,
Они познанию новости,
Хоть слышь асть душа у них.
Миду слова.

Чекано строчки
С какой-то горькой страстью я...
Но вот конец, И вместо точки
Пусть упадет слеза моя.

Болдино

Почетный знак — чернил лиловых пятна
Пусть будут на ружья твоих видны.

Идут дожди.
И долго им шагг,
И над серым, чепенеющим пространством.
...А Болдино
От твоего пути
Лишь в двух шагах...
Останься в нем! Останься!..

В том мире, неподвижном и просторном,
Словам — звенеть,
А мыслям — созреть.
Спокойно, будто старый, мудрый ворос,
Природа смотрит на твою тетрадь.

По пыльной дороге летит снадром.
Щелкает вогнанный в дуло патрон.
В подусне всегда — на расставсе никак! —
Сельвинский, Тихонов, Пастернак.
И ветер несетса, алетев в стремена,
В светлые затрещина времена.
...И годы проходят. Время идет.
В заржавленной гильзе ромашка цветет.

Острый профиль в углу вписан.
Спокойно ж этому зданию лет!
...Каждый день возвращаю мыслью
Я в Московский университет.

В болон думо тонули лица,
Навстречу — в глазах тельно!
До сих пор там, наверно, дымятся
Панкросским дымом ояно.

Торопиться, по лестницам ачались,
Было приветливо вход открыт.
Говорили, смеялись, делились
...Пусть же Лермонтов нас простит!

Он ищет суматохе навстречу,
И походит его летга.
Но чего его знаком отчужден —
Знаком смерти, Что так близка!

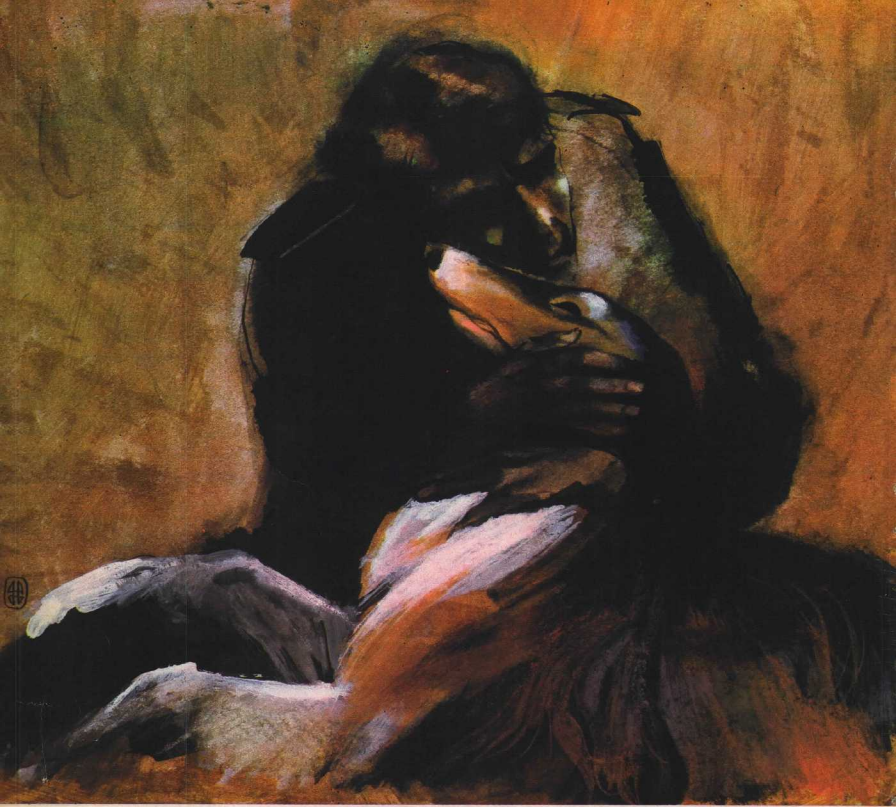
Скорю, скоро наступит время —
Оборвется добро и зло...
Вместо Мэму Печальный Демон
Техо склонит над ним крыло.

Ни к чему задавать вопросы.
С этой болдой каждый знаком...
Привыкшемуся разным невзгодам,
Словно обломан над Машуком!

Гром в сердце у тебя и гром небесный
В неслыханном согласии звучат.
Ты, в Болдино, единственное место,
Где творчества на всем лежит печать.

В сплошной кольца вековых стихов
Холодный лес и дин и годы прячет...
И вновь и вновь Я повторять готов:
Листой! Останься в Болдино!
Иначе...

Перевела с болгарского
Лорна ДИМОВА.

„ПОСТЕЛИТЕ МНЕ СТЕПЬ“

Борис СОПЕЛЬНЯК

РАССКАЗ

Опять эта ноющая боль под лопаткой. Потом она поднимается выше, станет нестерпимо острой. И не выдохнуть. Так было и в прошлый раз. Последнее, что запомнилось,— не выдохнуть... Надо спать. Старик осторожно опустил ноги. Нанюшала шпанцы. Накинула шаджак. Натянула фуражку.

«Ничего, ничего,— думал он.— Телефон в парадном. Слушусь, вызову неотложку—и вперед. Нет, не выйдет вперед: третий час ночи, свет не работает. Ну и что, маленький барник, пождождо машину выезду. А Тролля посторожить».

Старик кашкнул собаку и вышел на лестницу. Не так уж высоко—пятый этаж, но ведь это сто ступенек! Осторожно, очень осторожно он начал спускаться. А рядом так же медленно шагала польгандская овчарка. И кто знает, кому было труднее. Ведь Тролля давным-давно ослеп. В молодости, правда, кое-что видел—человека или дерево мог разглядеть, но попасть в дверь или прыгнуть через забор не удавалось. И все-таки Андрей Григорьевич с собакой не

расстася. Пятнадцать лет работали в уголовном розыске майор Русаков и смежная собака Тролля. Теперь на пенсии. Оба.

На третьем этаже старик остановился. «Проклятые шпанцы!— чертыхнулся он.— Соскальзывают на каждом шагу». Старик попробовал вдохнуть поглубже, охнула и, драная стену, сполз на ступеньки. Тролля подставил спину, и хозяин вцепился в его длинную шерсть. Перевел дух и прислонился к теплему боку собаки.

— Вот, брат, дела,— виновато сказала он.— Я сейчас... Я только...

Тролля сиева, дрожала от напряжения, но стола. Он даже чуточку потянулся и лизнула хозяина в ухо. Старик понимающе улыбнулся:

— Ободриши! Знаю, знаю, на тебе еще можно положиться.— И погадала его горбоносую морду. Пальцы втыкнулась на рубец:

«Что это?— удивился он.— Сткуда!» Потом вспомнил и даже повеселел: «Ведь это моя работа! Ты помнишь, Тролля, как мы познакомились? Помнишь? Тогда мы были молодые, спящие и упрямые».

Старинная песня

Александр КАЗАКОВ,
пулеметчик, дружка-защелка.

Вот солдата угодили,
Кто для нас ее споем!
«На разведку он ходил,
Все начальству доложил.
Да, эй,
Э-э-эй, герой,
На разведку боевой!»

И метель и дождь кляня,
С ней прошли мы впереворот
Под слепящим солнцем дня
И при тусклом свете звезд:
«Да, эй,
Э-э-эй, герой,
На разведку боевой!»

Путь один из нас умет,
Но зато пробьются все...
И равнялись мы вперед
По Варшавскому шоссе.
«Да, эй,
Э-э-эй, герой,
На разведку боевой!»

Кто-то ружьем в этот час
И уже не встал с землей...
Но ведь многие из нас
С песней той в Берлин вошли:
«Да, эй,
Э-э-эй, герой,
На разведку боевой!»

...Тако-тихо над Урогой
Ветер шепчется с листьями,
Только слышу я порой
Голос юношеской твоей:
«Да, эй,
Э-э-эй, герой,
На разведку боевой!»

Не пойму, за какую заслугу,
Но судьба благосклонна ко мне...
Чернолуно по черному луку
К черной речке мы шли в тишине.

Лунный лук, облака разорвавший,
Вдруг сверкнул на росинках травки.
Как ой выскочит волосы кашеи...
Белорукой твоей голова!

Ты шла сарафан горлопико,
В колодежскую воду шошла
И на глади оногого залива
Отразился, как полдень, светла.

Ты смеялась, играла водою,
Вся лучилась под яркой луной.
А потом ты прибрежнюю градошу
Ша, притихшая, рядом со мной...

Для меня ты и праздник и сказка,
Но такая, что нету грустней:
Я-то знаю: дурная развалка
Мне давно уготована в ней.

Только видится:
В луноу залеве
Ты светлее весеннего дня...
Будь не счастливой,
Будьте счастливей,
Ну, хотя бы счастливей меня.

Блиндаж

В лесу заброшенный блиндаж
Завален шшиками и хвоей,
И старый дуб над ним, как страж,
Поставлен вечною сапою.

Блиндаж немецкий из земли
Все время выветрит стремится,
Хотя крапивою заросши
Его бетонные глызницы.

И пусть он больше не гроза
Ни человеку, ни природе,
Но маршрут путника глаза,
Когда вруг на него выходит.

Давно ушлаша беда
Берет за горло луну цепкой.
Старухи кристают тогда,
А старник смеется кепка.

Сначала сдают моторы,
Потом подрастает дублеры,
И все начинается вновь.
Завела не совет за цену,
Что в небо стрелится сыны,
Мы многому знаем цену,
Себе лишь не знаем цену.

Суровы, немцы и открыты,
Покор нам страшнее, чем ад,
За каждым из нас Азлиты,
Тоскуя, с надеждой следят.

А к звездам нелегкие сборки,
Мы дорого платим за них.
Ведь все носоманаты — дублеры
Матросовых и Кошевых.

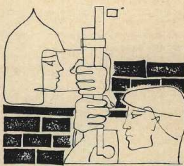
На родине у друга

Я проснулся сразу и услышал,
А потом издавна: что за черт!
Где я! Это скат соседней протей!
Кто же тогда так яростно кричит
Мне или поучивает! Не снова
Над рассветом, над деревней всей
Чистым звуком утреннего зова
Кто-то заставлял вставать людей.

Я оделся, выскочил под зина
И увидел прямо пред собой
Пастуха в расстегнутой поддевке
С пневматским горном, как с душой.
Как горист, труба для всех побуду,
Запронючу голову светка,
Он держал свою большую дудку,
Словно моська дерзкого жокя.

И из всех дворов поодиночке
На призывный, гордый зов
Выходили Ласточки и Дочки
В образе медведьских юрков.
Он сгва неположе зозаним,
Шпелая их немко по бокам,
Говорил: «Ну, ступай... ступайте!»
Словно в самом деле дочерям.
Нанеже соборившая стадо
Данулась на выгон под горой.
Проводя его до дышка взглядом,
Я вернулся спустя домашой.
Медведию залез под одеяло,
Отвернувшись, чтоб заснуть, к стене,
Но все утро пела, не стихала,
Солнечная дудка пела мне.

Виктор ПАХОМОВ

Намятник

В своей будоневе кривлатой,
На смертный бой ядтн готов,
Он здесь стоим еще с тридцатых
Незабываемых годов.

С ним навсегда сроднились люди.
Сам город с ним мигал и рос.
Не знал силы, что пронмудит
Его, солдата, бросить пост.

Что с ним случится, я ворот зную
Разну, в злойде на педестал.
И пусть в меня, в мой каждый
Войдет расплавленный металл.

За годом год, в жару и в холод,
Без сна в утра и до утра
Я буду охранять свой город,
Держа являную у бедра.

Стянуть на площади понатой,
Для всех и близкий и родной,
В своей будоневе кривлатой,
Неузнаваемо молодой.

Евгений ЕФРЕМОВ

Сметает снег, Сметает снег, Сметает.
В инкесе У морозчицы свет,
Там бесполойной сторож засыпает,
Устав от тишины и сигарет.
Я прохожу, он спрашивает время,
Почти не подымая голову.
А у дороги больше деревьев
Там ломки и прозрачны без листьев.

Дома, еще не вершине в чудо
Начинаются таять зары,
Уходит к ней за думаным, откуда
Выходит, чуть качался, фонари.
И непонятно, кому это, за что мне
В этот снег, и сторож, и снег
Подарены увидеть и запомнить
И в благодарности голову склонить.
Как будто нечем больше отдаться,
Позывая на помянуть,
Бросятся на свет... Сметает снег,
Слетает снег, кружится
Вдоль склона, ядья заборов
Кружный снег.

В Медведеве

Разве что случится здесь много,
Разве что-нибудь могло случиться!
Вот и нам с тобой повезло...
Тихо, даже ветер не стучится.

Но скрывается амыш за стеной,
Мгали свет лямчат на поповашах,
И с улыбок ты твердишь за мной:
«Разве что-нибудь могло случиться!»

На склянке дремлет добрый кот,
На стене чаша стучат к обеду,
Скоро с ферыма твоя придет,
Скоро время воротиться делу.

Только нам с тобой не до забот.
Слушай, собирайся за грибами!
Посмотри, как солнышко цветет
За окошком желтыми цветками!

Письмо

Вечн березовые угли
Переливаются огнем.
Ты смотришь на руки: «Опухли,
А дел все больше с каждым
Днем!»

Вчера разламывало спину,
Сегодня — руки вот не поднять.
Не до письма, а надое сыну!
И ты за стол сядишь, мать.

Из-под руки в набухших жилах
Полезет дошнальная строка.
Ты думаешь: «Пора в оглулу...»
Выходишь: «Бегаю погу».

Кручусь в саду да в огороде.
По целым дням туда-сюда.
Лилу кисти нюю к колоде,
Все остальное — не беда...»

Нахлещт гробу, прошнеечто:
«Вот что, не до дела, остань и чужой...»
И поможешь письмо на почту,
Не доверяя никому...

Личико, что злобно печено,
Кос седых скрюченных струн.
— Сколько лет!
— Сочла бы — нуенная,
Все мном, касати, все мном!

И виденлас долго на проселе,
Сгорбившись, брела бог весть
Словно не грибу лезла в кошелю,
А свои несчетные годя.

Сквозь промерзлые стекла
Снега не окунуть.
За меня в доме настало,
И пока не совсем расствело,
Печь в санцовых потеках,
С побеленной трубой под

Прочно срубленным стенам дарит тепло.
Еле слышен дупиник.
В углу у порога
На бараньем тупине
Играет щенок.
Не от этих ли звуков
По утрам и вечерам
Поднимает тревога...
И все трепетней свет
И краснее восток.
Вот подылся огонь,
Молча встывает ведря.
Он хозяйской заботе
Верен с утра.

Как чиста и проста
Эта хватная твердость —
Каждый день начинать
Непрерменно с добра!
Затанувши потуге,
Плотно на голову шапку —
И шагнуть за порог,
На руки свои полокося.
Я начну это утро
С березовой санжей охапки,
Нашаю лучным,
Чтобы печь веселей занялась.

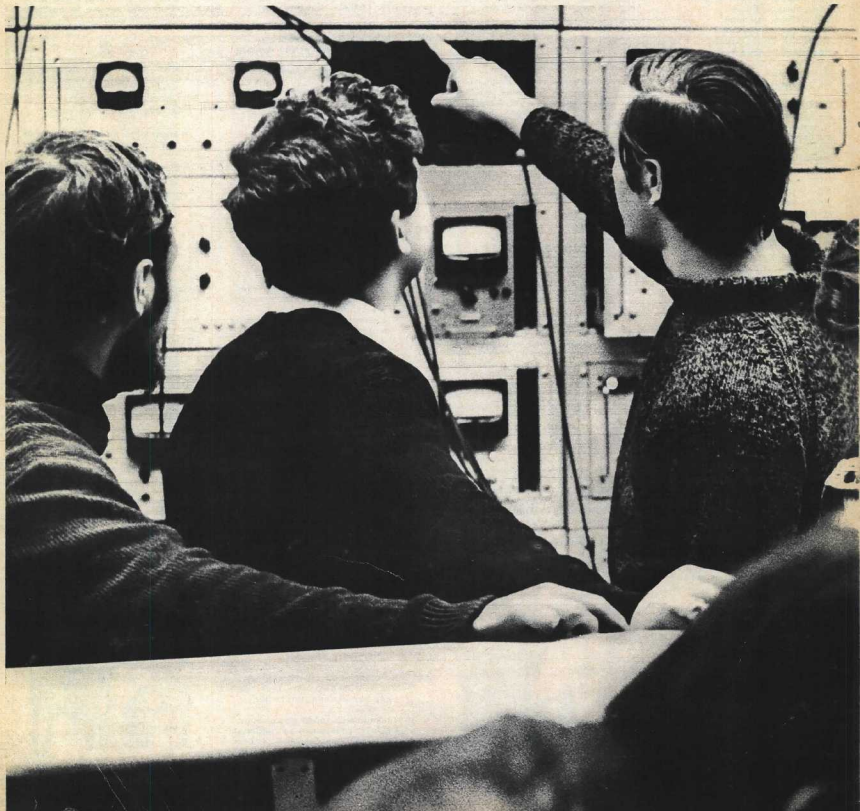

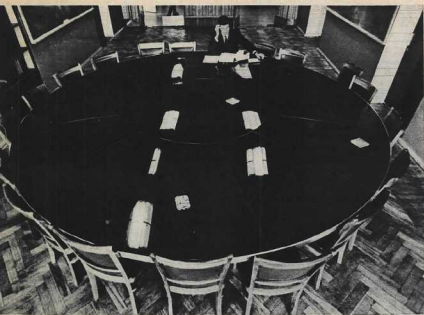
«Наша партия не жалеет усилий,
чтобы обеспечить плодотворное развертывание
всего фронта общественных и естественных наук.
Общая численность научных работников
увеличилась в стране за пятилетие в 1,4 раза
и составляет теперь около 930 тысяч человек».

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду
Коммунистической партии Советского Союза.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, Мирослав МУРАЗОВ (фото)

ПРОСПЕКТ НАУКИ

Было это давно, много веков назад. Сократ шел по улице и вдруг остановился около какой-то стройки. Его внимание привлек молодой каменщик, который укладывал плиты не как все, а по-особому, он все точно рассчитал, сделал меньше движений, чем другие, а стена у него росла быстрее.

Так Сократ нашел своего лучшего ученика — великого Платона.

Эту легенду замечательный математик Николас Николаевич Лузин рассказал десятилетнему любознательному мальчику. Мальчик вырос и стал ученым. Он на всю жизнь за-

Стол ученого совета по форме напоминает ускоритель. Только здесь ускоряется не вещество частиц, а мысли. Вот-вот за него садят членов совета.

Эстафета научного поиска продолжается. Еще одно поколение ученых включилось в исследование, в спор, в постижение научной истины.

помнил рассказ своего профессора и в своих учениках превыше всего ценил нетривиальность мысли, смелость суждений, творческий поиск. Этот человек сделал много научных открытий, воспитал целую плеяду исследователей. Возникший в Сибири город науки — тоже его детище, его открытие, его научный труд. Мысль своего учителя о поисках учеников он сделал сущностью города науки, его основой, действенной программой. Этот человек — Михаил Алексеевич Лаврентьев, президент Сибирского отделения Академии наук СССР, Ученый, Коммунист.

Публикуемые здесь фотографии сделаны в Новосибирском акадегородке в Институте ядерной физики. Глядя на молодые лица исследователей, невольно думаешь о волшебной палочке эстафеты ученого, о том, как удивительно сократилось время между поколениями в науке. Может быть, именно в этом яснее всего виден поперек нашего стремительного века, когда время так наполнено, что день стал равен году, а часы сжались до секунд.

Путь управления новой, почти фантастической установкой, созданной ноосибирскими физиками. Отсюда, из этого круглого зала, ученые могут по показаниям приборов следить за тем, что происходит во время эксперимента — столкновения свистит и кипит.

Молодой академик А. Н. Скрипский пришел в ИЯФ дипломником Московского университета. Кто знает, не сложится ли так же счастливо судьба студента МГУ Виктора Кутובה, который делает свой диплом в Институте ядерной физики?

Директор института лауреат Ленинской премии академик А. М. Будкер работал с Курчатовым. Он участвовал в строительстве первого в мире ускорителя в Дубне. Первым провел интереснейший эксперимент — столкнул в построенной им установке частицы и их античастицы, по существу, антиматерию. Его прежние работы уже принадлежат истории физики, настоящей — будущему этой науки. И не только потому, что и сегодня Андрей Михайлович богат свежими научными идеями: его институт по-прежнему полон молодежи, ищущей, ошибающейся и снова ищущей.

Имя академика Будкера уже обросло легендами. А ведь он комсомолец сороковых годов, пришел в науку после победного салюта — в 1945-м. Когда всего лет десять назад создавался Институт ядерной физики, самому директору было сорок. Окружала его совсем зеленая молодежь. У большинства не было тогда ни научных трудов, ни признания. И вот десять лет спустя...

Молодой тогда доктор наук, ученик Нильса Бора — Спартак Беляев — ныне академик, ректор Новосибирского университета и сам ищет своего Платона. Иностранные журналы не раз писали о нем как о самом молодом и самом смелом в мире ректоре.

Веннами Сидоров. Он окончил институт в Москве всего за год до начала строительства города наук в Сибири. А сейчас, в 1971-м, о блестящих экспериментах с ро- и фи-мезо-

нами члена-корреспондента Академии наук СССР лауреата Ленинской премии В. А. Сидорова знают крупнейшие ученые мира.

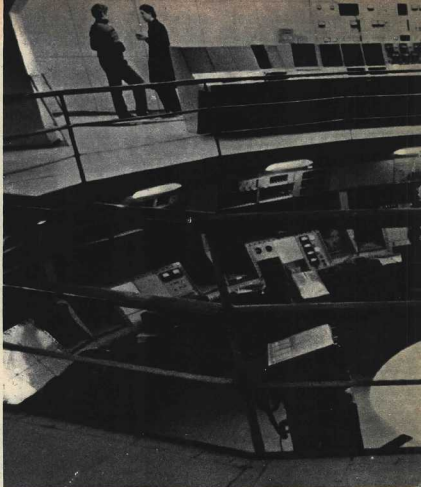
Дипломник в 60-м, академик — в 70-м. Да, именно таков путь в науке Александра Скрипского. Он пришел в ИЯФ дипломником, как и те ребята, его студенты, что теперь проходят в институте практику. Защита докторскую. За строительство ускорителя на встречных пучках и эксперименты на них получил Ленинскую премию. В 1968-м был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в последние выборы стал академиком. В тридцать четыре года!

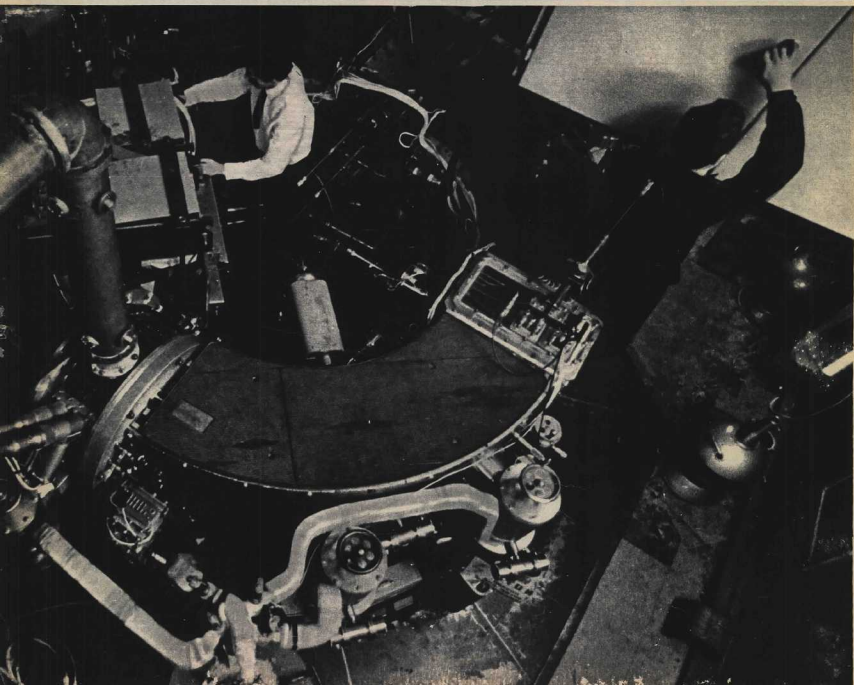
Если Скрипский пришел в институт дипломником, то Владимир Балакин стал сотрудником ИЯФа, не успев закончить и десятилетку. Школьник из села Кавзавушка, победитель физико-математической олимпиады был принят на работу в лабораторию. А сейчас Владимир Балакин (у него уже готова кандидатская), занимается с «фимшистами», пытается отыскать среди них самых упрямых и способных, самых влюбленных в физику, чтобы открыть перед ними тот удивительный мир, который подарил ему тогда совсем молодой исследователь Евгений Кушинренко. Балакин всегда будет понимать, как великодушно и требовательно отнеслись к нему старшие коллеги: иди к нам, пробуй свои силы, учишься — и наши знания будут твоими. Но запасаешь нужеством. Оно необходимо, чтобы работать в науке, и еще необходимо,

Когда возникает новая научная идея, собеседников не волнует ни различие в возрасте, ни место спора, главное — тут же выложить истину, полагая друг друга. Почетный профессор из США Рой Эджридж и молодой советский физик Семен Эдельман.

Ускорители на встречных пучках, за которые группы ученых Института ядерной физики были удостоены Ленинской премии, родились почти десять лет назад. Но новые физические эксперименты требуют иных инженерных решений, и в институте создают и монтируют новые приборы.

чтобы оставить ее, если не состоишь как исследователь.

Все они, ученые, о которых я рассказываю, уже знакомы читателям «Смены». Мы писали о Сергеем, когда тогда только защитил докторскую диссертацию, и о Володе Балакине, который поступил в институт лабораторным, и о вновь избранном члене-корреспонденте Саварове, и о Ростиславе Сагдееве, тогда тоже защитившем докторскую, и о совсем молодом кандидате Алике Галееве.

Да, растут люди. Все грандиозное становится замысловатым, шире круг научных проблем, решающихся в институте. И это естественно и закономерно, что кое-кто уже ушел из родного дома, как улетел из гнезда птенец с окрещенными крыльями. Член-корреспондент Академии наук СССР Юрий Нестеркин стал директором Института авиомоторов и электромоторики СОАН СССР, и некоторые сотрудники его бывшей лаборатории вошли в коллектив нового института.

Увелиכים совсем новой отраслью науки — физикой плазмы атмосферы — указал на ИФРА академик Ростислав Сагдеев, в свои тридцать восемь лет уже имеющий собственную научную школу. В прошлом году на конференции по физике плазмы атмосферы, устроенной Якутским институтом космических исследований и астрономии, я слышала, с каким увлечением отзывались о школе Сагдеева местные ученые, с каким интересом слушали они доклад его ученика, дипломника первого выпуска Новосибирского университета Альберта Галеева, ныне директора ИФРА, лауреата премии Ленинского комсомола, комсомольца, который был делегатом XVI съезда ВЛКСМ. С Галеевым приятель на кафедре физики плазмы молодые ребята — его собственные ученики. Удивительно сократилась время между поколениями в науке!

А в институте Сибирского отделения приходит все новые и новые выпускники Новосибирского университета и других вузов страны, отмеченные той же печалью творческого бесплодия, неуверенности в собственном сделанном, что и их учителя. Нет, они не заменили тех, кто начинал историю институтов Новосибирского академгородка. Они, эти молодые исследователи, приняли от них эстафету научного поиска, нетленное богатство, которое в свое время их воспитатели тоже получили в наследство.

История продолжается. В Институт ядерной физики так же яростно спорят над конструктивными решениями отдельных узлов протон-антипротонной установки, которая не становится материально фантастическим объектом почти воплощена в металле, так же засиживаются ночами за экспериментами, так же стареют излупленные непроторенной тропой, зарываясь цепью природы.

И так же можно слышать, как академик Бударев за круглым столом ученого совета спрашивает: «Как фамилия того кристального пареня, кто спорил со мной на семинаре? Надо будет поближе к нему присмотреться». Стоит взять на прихватку. Творческие люди, работающие по плану, ставят задачи, сформулированный Бударевым, на науке все пути дозволено, кроме тех, которым уже шло, остаются в институте неземными.

И неземными, как всегда, та радость открытия таланта, ни с чем не сравнимая гордость учителя своим учеником. Это — редкое счастье, если на небосклоне науки всплывает новая звезда. И не без основания свет звезды ярче звезд, давшей жизнь. Не буди этой святой радостью учителя, нашего своего Платона, наука оставалась бы на месте. Переходящее поколение, эстафета научного поиска продолжается...

Молодой француз бунтует. С кем вышел он на улицы Парижа? Во имя чего?

Макс ЛЕОН, московский корреспондент газеты «Юманите»

МАЙ В ПАРИЖЕ

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВМЕСТО ОТВЕТА НА ВОПРОС:

«НАД ЧЕМ ЗАДУМЫВАЕТСЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ?»

Могла я бывшая в Париже, моя часто задает вопрос, который меня раздражает и к которому я не могу привыкнуть: «Над чем задумывается советская молодежь?»

Я слышу старым мозговичом, и потому, вероятно, от меня требуют вот так, одним махом, разрешить проблему, которую изучают многие политические деятели, социологи, в общем, специалисты. Порою мне хочется ответить своим собеседникам вопросом на вопрос: «Вы, например, смогли бы сразу, не задумываясь, сказать мне, над чем задумывается французская молодежь? Вынает, что имеется дело со сложнейшими логическими вопросами, и тогда я не могу отказать себе в удовольствии высказать всю наивность их рассуждений. Вынает, что я пущусь и в пространные объяснения, дабы показать все разнообразие взглядов в Советском Союзе, а следовательно, разнообразие знания и десятков миллионов молодых людей, советской молодежи, которая, будучи объединенной твердыми общими принципами, отнюдь не является однородной массой.

Тут можно было бы, конечно, свести все к нескольким главным идеям, к тому, что составляет сокровищницу богатства души и сердца. Но, упрощая дело, всегда рискуешь выложить сущность его, скажам, к примеру, что родина, река и океан — это не что иное, как Н.О.

Верный своему принципу, я не стану рассуждать о том, над чем задумывается французская молодежь». Во-первых, потому, что часть этой молодежи еще не приобрела достаточно выраженной способности «задумываться» (вроде моего мальчишкого племянника, который на вопрос: «Ахрен, ты думаешь об мне, когда меня нет?» — мрачно отвечает: «Я вообще не думаю!»). Во-вторых, среди тех, кто мыслит, есть дети рабочих и дети козьян, а они далеко не всегда думают об отце и том же, есть еще молодые крестьяне и молодые горюжане, у которых отнюдь не всегда одинаковый подход к жизни. И, наконец, недавние студенты, молодежь еще людей, образ мысли которых уже отягченется от умонастроений, свойственных им в годы студенчества...

Однажды летним вечером, через несколько

недель после памятных дней мая — июня 1968 года, я ехал в компании друзей по бульвару Сен-Мишель. Внезапно уличное движение было остановлено полицейскими в насклах со штыками и дубинками. Пришлось нам продолжить дорогу пешком. Приближаясь на грузовиках, в автобусах, «черных воронах», эти «силы порядка» расчищали тротуары. Их жесткие глаза встречались со взглядами, исполненными ненависти. Они догадывались о ругательствах, готовых сыграть с губ прохожих, но быть все же не решились.

У Люксембургского сада тротуары были немного свободней, а проезжая часть — совершенно пустынкой. Посреди улицы горела куча ашкан, обгоревшей бумаги, трюпов. Вдруг у улицы Гей-Лусса доносился крик. Понавлялась группа молодых людей, они были в коммальных сапогах и куртках, некоторые были обряжены в притудленные домота, с их шей наподобие ожерелья свисали цепи, они размахивали палками, и на конце одной боталась черная тряпка, изображавшая, по всей очевидности, знамя.

Молодые люди спускались неторопливо по бульвару, время от времени распева яли скандируя всякие нецензурности. Дойдя до кюветы, они разбросали голубешки, порготоржали кулаками по крышам стоящих автомашин, которые, естественно, ничем не могли им ответить, потом разгнали едущую сооре с ними молодым человеком, чья одежда своей вычужденностью резко контрастировала с их собственным одением, и результате чего молодой человек присоединился к группе. Затем все в той же разнузданной манере они продолжили свой путь, двигаясь прямо на лондонские кордоны, сконцентрированные (они это знали!) в конце бульвара.

Толпа, собравшаяся в Латинском квартале, была скорее любопытствующей, чем враждебной, и наблюдала за происходящим, стоя на тротуарах. Я не проследил дальнейшего пути группы анархистов, но думаю, в тот вечер ничего не случилось. Наверняка группа эта рассеялась где-нибудь возле Школьной улицы, да и полиция, судя по всему, не очень хотела вмешиваться. Ей было достаточно и этого пущающего предлога, чтобы запугивать толпу и держать квартал чуть ли не в состоянии осады.

В статье «В защиту Бориса Майорова», опубликованной и начале года ежеквартальным «Литературной России», заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов писал:

«...и дочери своей, Татьяне, думаю. Татьяна была неплохой как будто бы фигуристка. На чемпионате Европы в паре с Георгием Прохуркиным заняла четвертое место, затем она эмигрировала в Турцию. Однако серьезная травма заставила Татьяну прекратить выступления на ледяной арене. Девятилетняя спортсменка, студентка, стала тренером.

Естественно было предложить, чтобы Татьяна начнет работу с юными фигуристками, но судьба ее сложилась так, что ей поручили работу с достаточно опытыми мастерами, а уже сложившиеся пары.

Мне этот выбор представлялся не самым разумным.

Я возражал против решения Татьяны. Предупреждал ее, что в таком случае после ухода неизбежны большие проблемы. Татьяна — тренер сборной страны, и у нее несколько интересных пар, выступающих в танцах на льду и в парной катании, а ведущая ее пара — Татьяна Войткок и Вячеслав Жиганкин — стала (в прошлом году — Р-9) бронзовым примером чемпионата Европы.

И все-таки я убежденный сторонник много пути к вершинам тренерского искусства.

Я считаю, что молодые тренеры должны взять пример молодых, юных спортсменов и вместе с ними с самого начала пройти путь к высотам мастерства.

Статья Татьяны Тарасовой о ее пути и о ее учениках — а какой-то степени ответ на положения, высказанные А. В. Тарасовым.

Татьяна ТАРАСОВА, мастер спорта

ФОТО ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВА

орую Прохуркина я научила два года. У меня был хронический вывих плеча, оно все время «вылетало», я ходила в гипсе, а Игорь ждал и время шло. В конце концов я решила: хватит. Не помню подробностей того разговора с Игорем, помню только: мы оба плакали. И Лена Чаikovская плакала, мой тренер.

Но так сразу уйти со льда я не сумела. Только ушла от Лены, но хотела быть для нее субором. Очень ее любила и любила ее. Перешла в ЦСКА, к Станиславу Жуку. Партера у меня не было — каталась одна, ждала. И вот однажды играли мы хоккей: Ира Роднина, Леша Уланов, Шура Горелик, я. Шайба с силой попала мне на плечико, я почувствовала боль в руке. Шура велела мне так: иди в клинику имени Склифосовского, пытайся утешить, а я хочотала. Честное слово. Шура не мог ничего понять, а я чувствовала облегчение. Все решилось само. За меня. Все, все, все!

И дальше все вышло само собой. Мне не пришлось долго размышлять, было бы дальше. Недалеко через два года позвонил Саша Тихомиров (была такая спортивная пара — Суслина и Тихомиров) и сказал: «Тарас, хочешь нас с Лодой тренировать?». Случилось это сейчас, когда я стала старше, а я может быть, раздумывала и принимала бы. А тогда просто сказала: «Хорошо. Уже позва и позвала, что сделал это Саша больше для меня, чем для себя. На первых наших соревнованиях они мне так и говорили: «Татьяна, мы для тебя кататься». В общем, спасибо Саше, и тогда пара была, когда-то начинала, стала мастером, а потом вышла самая длинная и стала кататься с Юрием Прохуркиным. Правда, новую партнершу, между прочим, ему сама посоветовала...

Наверное, я мало что знала и умею. Но почти сразу же вылезла в коньки, и принялась учить и переучивать. И по делу, как говорит-

ся, и не по делу. Заставила ребят тренироваться дважды в день, они к этому не привыкли, уставали, а мне было мило. Мне самой было совершенно необходимо делать все лучше, чем они. И мне никто не имел право показывать, и помню, «серпантин» у них получался — они оба миниматорные, им повезло — у меня нет, и я старалась, старалась...

Отец всегда говорит: «Прежде чем их изматать, надо себя изматать. Воспитывать на личном примере».

Мой отец учит меня только тому, что входит в его принципы, а они не рушатся. Кто еще может в пятьдесят лет себя, лезть целым дедом! Помимо, я была совсем маленькой, а он еще сам играл — в футбол и хоккей — и ногу сломал. И с костылями на одной ноге делал упражнения. С детства он по утрам выгонял меня во двор на зарядку, сам же смотрел с балкона, а я под взглядом тех соседских мальчишек пропускаяла како-нибудь зевно, то долнина была все начинать сначала.

Когда я перешла в ЦСКА и папа, как армяк, почувствовал за меня еще большую ответственность, а в пять утра слышала его голос (сам он вставал в четыре): «Дочка, я пригостил тебе завтрак и договорился, что ты будешь кататься два часа до тренировки». Каталась при одной-единственной мысли — папа.

Папа советует мне после каждого соревнования писать подробный отчет. Чтобы в нем были отражены тенденции развития фигурного катания. И высказаны мои взгляды на пути этого развития. Когда я собираюсь в отпуск, папа дает мне длиннющие задания, например, придумать столько-то элементов общефигурного катания, которых, кстати, прежде никто не видел и не знал.

Когда Войткок и Жиганкин заняли четвертое место на чемпионате Европы, папа во всеуслышание во

времена публичного выступления сказал: «Это, конечно, неплохо, но у нас в хоккее за четвертое место с работы сняли бы».

Но вернусь и начну своей работы. К своим ошибкам. Их было много, больших и маленьких. Вот одна. Суслина и Тихомиров выступали в Лужниках на открытой парадной Москве. А во дворе спорта такой замечательный зал, что хочется быть там особенно красивым, и настроение должно быть торжественное, приподнятое. Леска как раз накануне не шили новую платье, я сама пришла к нему кружева. Остаются два номера до их выступления, и вдруг я раздала я вжух, что она в старом платье. Может быть, это было суждение или что-нибудь еще, но я не стала разбираться. Сказала довольно резко, чтобы она переоделась. Конечно, я отявляла ее, помещала настрояться, на лед она вышла со слезами на глазах, откаталась плохо и, закончив, расплакалась у меня на груди, хотя ни словечком не упрекнула. Ругала себя потом я сама. И зарубила себе: вопрос в состоянии, обустраивать заранее. В 1968 году на чемпионате страны в Воскресенске ко мне подошел известный тренер по танцам Игорь Александрович Кебанов и попросил внимательно посмотреть за его парами — Татьяной Войткок со Славой Жиганкиной и Леной Жарковой с Генной Карпиковской. Я согласилась без всяких задних мыслей — мне было интересно. Едва-едва я начала ходить в роль тренера: каталась Люся с Сашей, и я, слотря из-за бортика, внутренне повторяла за ними каждый шаг, по ночам меня от волнения толкнуло, виски разламывались от боли. Значительно позже Татьяна Войткок зыронизирует в стеной газете: «119 таблеток от головной боли приняла А. В. Тарасова. В связи с тем, что врач выдала ей, как правило, тройчатку, эту цифру следует утронуть». А тут меня только-только занесли на тренировку утром, спасибо Зинаиде

Ильиничне Набаловой, директору стадиона Юных пионеров, она поехала в меня.

После соревнований Кабанов подошел ко мне снова.

— Я хочу предложить вам работать с этими парами.

Сказать, что я поразились, будет мало. Предложенные мне ученики юны, перспективны, на виду, и такие подарков тренеры друг другу не делают. Кабанов объяснил, что он советовался обо мне со знающими людьми, а иначе хорошие, мне надо расти, а ответственность в этом поможет, он же сам очень занят на основной работе (он был тогда начальником планового отдела одного из внешнеэкономических объединений), и, кроме того, хотел бы сосредоточиться на судействе фигурного катания.

И наконец! Голова у меня трещала от идей. Я заснула перед информатией, которую они просто не в состоянии были переварить, я носилась за ними по льду, а Кабанов, который являлся на каждую тренировку, ходил в бортике и молчал. Я подлетела к нему: «Ну, как!» «Все в порядке, спойбнее». Я не могла быть спокойной.

Татьяна заметила, что мои юные ученики мнутся, не зная, как им меня называть. Узнала позы: Кабанов посоветовал (он никогда не присылает, только советует) по имени-отчеству. Но я была немногим их старше. В общем, стали звать Татьяной, хотя кое-что это и шокировало. А меня нет, разве в этом дело!

И вот в 1968 году мы вместе. Мы — это Войткок, Жиганкин и я (Жаркова и Карпиковская вскоре перешли к Чайковской). Кто они такие, мои ученики?

Татьяна поначалу с потоком информации не справлялась. Она должна была что-то одно понять, подумать, усвоить, чтобы перейти к следующему. Сейчас Татьяна — человек взрослый, наделенный собственными взглядами, независимый и уверенный. В паре у нас, чтобы перейти к следующему: «Далая так». Надо объяснить, за-

УГОЛОВНИК

Разом отпала необходимость уточнить утвержденный маршрут Гусева, разыскивать человека, которому он обманя, что взорвется к семье, устанавливая неизвестно Дину, гусевского друга Карима и весь круг их знакомых. То есть велика скандаль, чтобы все это перекладывало интересность Валькова, петч, конечно. Но все это сразу отпало на второй план, ибо к убийству Гусева отпало оно не имело. Убийцей оказался совсем другой человек.

Старый водитель Сайменов, посылая трубочку, сообщила Валькову даже имя этого человека. Кстати сказать, Сайменов тоже значился в списке работающих в тот день, но Вальков не успел до него добраться.

А рассказка Сайменов следующие: то есть жидка Гусева, по поздне вечером, часов в одиннадцать, когда подыхала к стоянке около Шиньковского переулка. В этот момент к Гусеву сел пассажир. Было уже темно, но недалеко висел фонарь. А у старого Сайменова острое глаза, как у молодого. И он узнал того пассажира. Это был Левык Чуприна, он унахив в одной школе с мазашиной дочерью Сайменова, даже ухаживал за ней одно время и бывал у них в доме. А потом его выгнали из школы. Сайменов давно его не видел, очень давно. Плохое говорил про Левыку, будто он даже в тюрьме сидел. Но этого Сайменов не знает и бояться не хочет. И вот в тот вечер Левык сел в машину Гусева, это точно, это Сайменов видела своими глазами. А потом Гусев подохнул к Сайменову и спросил, есть ли сейчас проезд по улице Жуковского на Цеточную, и Сайменов ответил, что проезда сейчас там нет. Они с Гусевым ехли обступая, как ехать. И вот сегодня Сайменов узнал, что Гусев был убит на Цеточной. А повеял он тогда Левыку Чуприну.

Сообщение было настолько важным, что Вальков, прихватив Сайменова, немедленно отправился в управление. Там старый водитель уже спокойно и подробно рассказка о встрече с Гусевым, а также все, что он знал о Чуприне, хотя эти сведения и относились лишь к прошлому: о жизни Чуприна в последние годы Сайменов ничего не мог сообщить. Он даже не знал, где тот сейчас живет.

А вскоре приехала Лерев, за ним Ибадов. Узнав от своего начальника столь важную новость, они повеяли себе по-разному.

Лерев потряс огромные руки и удовлетворенно произнес:

— Вот это да! Остается только установить, где живет этот Левык и...

— Не надо устанавливать! — с неожиданной заальностью вдруг перебил его Ибадов. — Совсем не надо!

Первые узкие глаза его загадочно блеснули, и

видно было, что Ибадову стоило немало труда сдержать себя.

— Это еще почему? — недовольно спросил Лерев.

Он не привык, чтобы начинающий сотрудник перебивал его и тем более вступал в спор.

— А потому, — осаннительно улыбнулся Ибадов и повернувшись к Валькову, торжопило доложил: — Чуприна по какому-то делу много установили, Алексей Макарович. Уже установлен — радостно повторил он. — Живет через двор от Цеточной, с выходом на улицу Степана Разина. Мне это-то парня еще вчера назвали среди других подозреваемых.

— Та-ак... — медленно протянул Вальков. — Действительно здорово. Ну и что ты еще о нем знаешь!

— А вот, покажу-ай, — живо откликнулся, снова сверкнув улыбкой, Ибадов. — Этот парень уже имел судимость. Недавно вернулся. Связи преступные не порвал, ведет себя плохо, вроде не работает. А на такси, видимо, разбегает. Желет с матерью. Все пока, Алексей Макарович.

Ибадов был в восторге от своей первой удачи и не скрывал этого.

Лерев наставительно и чуть насмешливо сказал ему:

— Если бы не старик Сайменов, все бы твои сведения висели, как зеленый урюк. И вообще...

— Что это вообще? Ну что! — обижено воскликнула Ибадов.

— Хватит, — сказала Вальков. — Молодец, Мурат. А сейчас ступайте-ка домой, поздно уже. Завтра займется этим Чуприном.

Сам же Вальков отправился на доклад к Нуриманову.

Они давно работали вместе, и оба любили эти поздне часы, когда стекала утренняя, пустела коридоры, превращаясь телефонные звонки, а за окном в черном небе вставала луна.

Нуриманов немолтуемо выслушал доклад Валькова, потом сказал:

— Кажется, вышка правильно... И, пожалуй, делайте с этойкой сомнение. — Кажется...

— С утр будем работать, — вздохнул Вальков, усталю потирая широкий лоб. — Не ноги кормят. А людей мне больше не надо. — Добавил он, намекая на недавний приезд начальства. — Управился сам. Ребята мои тинут хорошо.

— Согласен, — коротко ответил Нуриманов тоном, по которому можно было догадаться, что он с самого начала пытался, что людей Валькову добавлять не следует. — Только утри, — добавил он, — тебе придется — как это по-русски! — гнаться и за вторым... зверем.

— Зайдем, — машинально погнаря Вальков и сказал вежливо. — Говорят, за двумя зайцами погнашься, ни одного не поймаешь.

— Ничего, — усмехнулся Нуриманов. — Одного ты уже, кажется, поймал. А второй... он, может быть, живет в той же норе.

— Да! Кончить с одним, — змурясь, попросил Вальков.

— Да! — коротко ответил Нуриманов. — Два дня дам. Не болше.

— Ну, а что за второе дело? — немного усложнившись, поинтересовался Вальков.

— Гм... Но два дня на первого зайца давай! — пытаясь прикрыть шуткой свою явную восторженность, спросил Вальков.

— Да ну! — улыбнулся Вальков. — Коршунка? А почему горький, что оба дела в одной норе?

— Помини, что ты вышел в кармане у Гусева? — Гм... Но два дня на первого зайца давай! — пытаясь прикрыть шуткой свою явную восторженность, спросил Вальков.

— Да! — повторил Нуриманов.

И Вальков осязательно успокоился, ибо знало, что его начальник не меняет решений и слово у него одно.

А утром началась работа, сложная, алкороточная и тем не менее радостная, потому что она была полна открытий и маленьких побед, с каждым шагом приближаясь к окончательному успеху.

Первой ласточкой оказалась справка о судимости Левык Чуприна за кражу в клубе и ограбление. Однако по месту заключения он, как ни странно, характеризовался хорошо. «Гнездо встал на путь исправления», — писала в характеристике замполит колонии.

— Также мне воспитатель — проверил Лерев, ерщю свой чуб. — Гнездо остался на старом пути. — так надо было писать. И, небось, отступни раньше срака. — Он снова посмотрел справку. — Ну, ясно. На год раньше вышкочил. Посмотрите, Алексей Макарович.

Он протянул Валькову через стол справку.

— Бывает, — примирительно сказал тот, пробежав ее глазами. — У них работа тонка не сахар. Ерщю свой чуб. — Гнездо остался на старом пути. — так надо было писать. И, небось, отступни раньше срака. — Он снова посмотрел справку. — Ну, ясно. На год раньше вышкочил. Посмотрите, Алексей Макарович.

Потом прибежал Ибадов и положила перед Вальковом две фотографии Чуприна. Одна была маленькая, для паспорта. Ее Ибадов раздобыл в отделении милиции, где Чуприна получала свой первый паспорт. А другая была крупнее, на которой была снят весь десятый класс, где учился Чуприн.

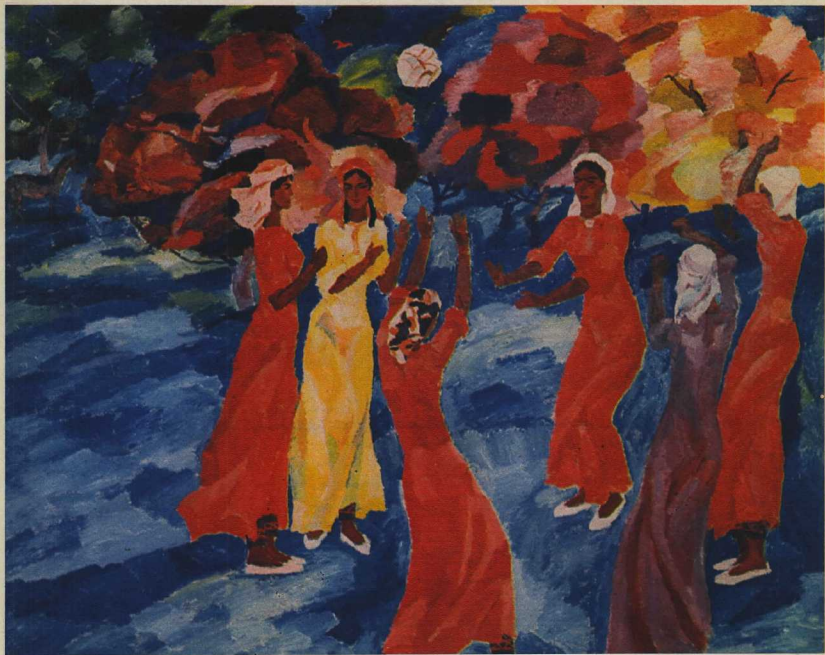
С первой смотрел вслушавшись, круглоголовый парень, ворот рубашки разохнулся на мощной шее. Но если по этой фотографии можно было только предположить, какой здоровьем был этот Чуприн, то вторая не оставляла на этот счет никаких сомнений. Чуприн на голову был выше всех ребят в своем классе. На этой фотографии он улыбался самодовольно и чуть нахально.

— Ну и детина! — почала головой Лерев. — Не всякий с таким справится. — Он мелкомко взглянул на шпунго Ибадова.

Тот испулка и с напуской небрежностью сказал:

— На прием надо уметь брать таких нам неожиданным, на испуг. Запомни, пожалуйста.

Вальков с усмешкой поглядел на друзей.

С. БАБИКОВ. «Аральская девушка».

Красное платье девушки — это не только привычный для туркмен цвет; в нем отблеск революционного пожара, недаром в нем, ослепительным рядом с остальными тонами, курьезнейшая колористическая тенью произведения. С прямотой и решкостью кинокадрата выражена в «Первых» мысль художника. Какие они значительны, его герои, какие больше по сравнению с теми людьми, от которых они уходят. С теми, которые смотрят им вслед как бы из прошлого века, а кто с осуждением, кто с затравленным страхом, а кто с надеждой.

В четкости временного мышления, в умении задуматься над взаимосвязью настоящего и минувшего, над сложностью человеческой психологии — сильная сторона таланта Байрамова. И не только в сюжетных композиционных картинах. Стоит вспомнить, задуматься в созданным им «Автопортрет» и «Портрет Иззата Камычева». В первом случае живописец поитается за внешним блеском, эффектом, оригинальностью поворота, и его постигает неудача. Во втором — он уходит от поверхностного решения к глубинному и создает интересный и запоминающийся образ. Образ, в котором воплощен не просто художник, но художник, живущий сейчас, вместе с нами, страстно влюбленный в свою страну, в ее традиции, ее язык — и больше всего — в ее настоящее, бытие женой, трехлетней дачи.

Основания необходимость изучения жизни и природы, желание не только показать то над иное явление, но и раскрыть его внутренний смысл, стремление жить рядом с несколькими отмеченными, философскими образами сотворившего повзвонье жизни и красоты (якобы красивые брызги граната на фоне горного поселка Нохур, написанного Шамухамедом Акумухамедовым, такова девушка в красном, читательски вступил, Атабалак Кутинуванова) — именно в этом суть творче-

ской общности молодых туркменских художников. Это не исключает различия восприятия, делающих туркменскую живопись многообразной, сложной, емкой. Вот пример, Станислав Байков и Роберт Хакимов вместе ходили в ночное море на рыболовческом катере. Видели одних людей, одну работу, один ее результат — улов. На Байкова произвел впечатление мужественный труд рыбаков, и его «Ночной лов кильки» повисел им, загораемым, образным соленой водой, но на миг не прекращающим своей работы. А Хакимову запомнились не столько реальные люди и события, сколько некое мерцающее серебрилось от аулы моря, серебрилось от рыбьей чешуи рук.

— Я подумала о том, сколько поэзия в этой работе, — рассказывала он, — и в «Семье рыбака» стараясь передать эту поэзию. Вот он дома с женой и ребенком, заработавший, довольный прошлыми днями. За его спиной старинный туркменский диван — олицетворение красоты и покоя домашнего очага. С помощью жены он разбирает серебрилось сеть — олицетворение красоты его дела.

«Семья рыбака» несколько напоминает восточную миниатюру не только по построению, но и по духу. Как и миниатюра, она рассказывает о простых событиях простой жизни возвышенно и привлекательно. «Подальше и «Глестя» о красных жителях Хакимова тоже носят на себе следы воздействия восточной миниатюры: о жизни и действиях близких нам по времени людей (о матери, обманутой ребенка, о красных всадниках, сражающихся за установление в Туркмении Советской власти) молодой художник повествует языком эгипетским и торжественным, языком, созвучным восточной поэзии удавших веков.

Но один Хакимов — многие из самых молодых, только вступающих в искусство художников увлекаются неизменно пластичностью и деко-

ративностью миниатюры. Принцип возмущения рассказа о реальном близком и Камилло Миргалому: его «Читатели» лежит с кингой на ковре, а за ним расстелается коврик, прекрасный, как мечта, и, как мираж, поднимается у дома дикими витые колонки. А Какаджан Оразметесов переносит на платно и композиционные черты миниатюры. В его «Рядом селе» не одно, а целое множество связанных единством места и времени действий сюжетов: мужчины собираются на работу, женщины пьют чай, в загоне пасется скот. В декоративности красок, в организационной сложности пространства рождается народная, ритмически ясная и изысканная картина.

Ашхабадские художники спорт: правомерны ли в Туркмении внешне и бурно испытывающий интерес к миниатюре? Ведь, несмотря на то, что она была присуща многим странам Востока, в собственно Туркмении ее не существовало. Мне хочется принять сторону художественной молодежи Туркмении почти на стыке Европы и Азии, и туркменская живопись, чудачливо развиваясь недавно, приняла в себя многое из западноевропейского и русского классического искусства. Почему же она должна черпать близкого ей по духу, но эстетике, по отношению к миру Востока? Конечно, прямое, некритическое заимствование никогда и никому пользы не принесло, но речь идет не о нем, а об осмыслении и творческом в истинно народных традициях восточной стилистики. Это естественный процесс: искусство всего мира находится в постоянном взаимодействии. Кстати, молодые художники так и понимают свою задачу — они стремятся не повторять уже известное, но внести свой вклад в

Юмористический рисунок

ЛЮБУЙТЕСЬ: ПОЧТИ СТАЛОН!

В японских школах есть урок любования. Об этом нам сказала учительница по труду Надежда Михайловна. По ее словам, урок любования состоит, собственно, из любования. Ставит какую-нибудь вещь на стол, садится вокруг и любит. «Воспитывают свой эстетический вкус», — говорит Надежда Михайловна. — Тренируют чувство прекрасного.

— Давайте введем такой же урок у нас! — предложил Земляничкин.

— У нас таких уроков нет ни в программах, ни в методиках, — ответил Надежда Михайловна. — Но после занятия желающие могут остаться. Мы попробуем провести такой урок в порядке эксперимента.

Разумеется, даже в порядке эксперимента после уроков никто оставаться не захотел. Однако идея провести урок любования вместо урока труда всем понравилась, и мы попросили нашу учительницу сказать об этом директору. Директор дал разрешение провести такой урок.

— Ну, чем же вы хотите полюбоваться? — спросила нас Надежда Михайловна, когда наступил день урока. Мы задумались: мало ли чем!

— Видите, вы еще не придумали, а я знаю! — торжественно сказала учительница и подошла к двери класса. — Неси ее сюда, Катенька! — сказала она кому-то за дверью.

В класс вошла худенькая девочка с огромным портфелем. Учительница взяла у нее этот портфель, открыла его и достала оттуда чучело совы. Она поставила сову на стол.

— Подожди, Катенька, в коридоре пока. После урока ты ее отнесешь.

Ковыляя Катенька посмотрела на сову так, словно прочлилась с ней навеки, и вышла.

— Садитесь поближе, — сказала нам Надежда Михайловна. — Смотрите внимательно! Внимательнее в нее.

Мы сели вокруг чучела и принялись глядеть на него.

— Видите? Сколько экспрессии! Какие краски: сдержанные и мужественные.

Мы смотрели на сову во все глаза. Облизоснивая сову, чуть поблуждая носом, с гуртовани вместо фая.

Нравится свое воображение, представьте это! Это ночное хищница в лесу, с горящими глазами, бесшумно парящего во мраке ночи!

Мы смотрели и впадали, то часть терпеть из совы выдернутой, торчит соломенная начинка.

— Конечно, вы уже чувствуете волнение! Да, это действительно почти сталон!

Нам окончательно стало скучно смотреть на чучело, и в классе постепенно начался шум. Кто-то зевал, разговаривал, ронял что-то на пол.

Надежда Михайловна с тревогой оглядела нас — ей, наверное, было обидно за сову и свою идею. Мне стало ее жалко.

— Давайте полюбуемс чем-нибудь другим. Совой мы уже полюбовались, — сказала я.

— Предложите! — живо откликнулась Надежда Михайловна.

Я оглядела класс. Посмотрела на шкафы, на стены, парты, цветы в горшках — ничего, чем бы стало любопытнее, на глаза мне не попало. А в классе уже стояла такой шум, что вообще всекое любование стало невозможным.

Надежда Михайловна вздохнула. Я села. Мимо моего уха просвистела пуляка — это Чулок выстрелил из своей супертрубки.

Сова покатилась и свалилась на пол.

И тут произошло нечто совершенно невероятное и непредусмотренное. Дверь с треском распахнулась, и в класс влетела Катенька. Она была похожа на рыска. Выглядяла полная тупица.

Катенька схватила сову и повернулась к нам. Она задыхалась и никак не могла ничего сказать. Потом она выговорила:

— Ее уже раз подстрелили! Как вы не стыдно! Не дам больше! — И тут она не выдержала и разрыдалась. Она стояла посреди класса со своей дурной совой и ревели во весь голос. Просто захлебывалась.

Ревели она минут пять. Никто ее не утешал. Надежда Михайловна встала у окна и смеяла на утку, а мы смотрели на Катеньку и ее чучело.

Но знаю, как другим, но мне показалось, что это была действительно почти сталон.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Тихо в зимнем саду. Не постыжась — гущина состоит из неродных труппин! Образования. Он сидит в клетке на иблоне и носит сонным глазами. На имитирующей золотой лист. Как и любовь удающую себя солонку, ему нумен свет лоустр и шум публики. Но загадочно темны элизантинские лоустры под потолком фонаря, в них горячие и холодные огни...

На волшебном пестро: закончилась утреннее представление. Восемьсот постановочных обитателей: фоны, странички, принцы, цыганки, ноты, черти, танцовщицы, фанеры, ведьмы — куклы страны мира как бы прислушались и удивительным тишице помолчали, самозащитного на сцене театра. Но я знаю, что жизнь здесь не замерла, а просто отодвинулась в глубину, в самое его сердце.

Задумчиво смотрит друг на друга негритинские мальчик и смешная лоупулая собака. Это Джим и Доллар. В 1932 году они вышли на сцену в первом спектакле театра. Они же первыми поспились в и неоновом музее. А совсем недавно прибыли новые иммигранты: санскритная маршанета из Дрездена, витеза Писло — венгерский Петрушка и советские воякины рыцари из Брюсселя. В специальная книга директора музея появились их имитации: национальная воздрат, преломленная.

Со сцены большого зала убрают темносеребряные пустынные скалы — декорацию «Маугли». Податит горизонт. Этот неистовый имитационный лес догорала представляла собой самым удивительным театральным задник из всех, какие сегодня существуют в театрах мира. Когда он опускается, в зал глядит сплошное чистое небо. Благодаря горизонту сцена не мумифицируется ни в кулисах, ни в падагах.

Через несколько минут начнется релаксация сполотнившегося. В зале принесет на сцену бутфорские камини. К ним подсаживаются с купальными артисты Наталья Образцова и Игорь Нудричев. Купальники делятся в кулуарные и солидные мужнина с митовитом — развиваются на камнях в непринужденные позы.

— Что это — спрашиваю я.

— Это плечи.

— А где море?

— Море увидите из зала.

Сидя в вину руки. Руки артистов, ироцино на мезанжине, как, как на клавишах фортепиано. Эти руки просят, требуют, радуются, смеются, выключаются...

Созвучие составляют сегодня труппу Образцова.

— Дайте море! — раздается в зале голос Сергея Владимировича.

Всплески в зрительном зале берет Бурузад. Шумные тепло волны ликут бутфорские камини. Мужнина с животиком целует руку девушки-русалки. Потом срывается с камня и летит в воду.

— Нука еще раз упадет! — предлагает режиссер Ева Сильвинкова.

Но у купальницы авария. На авансцену выносятся пострадавшего.

— Итак, премьера! В стенах нового театра все интересно, все волнующе!

ЛУЧШИЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР МИРА

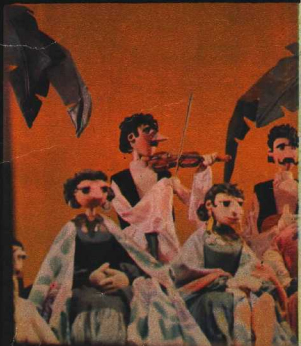

От падения в явуду у мумички разорвался купальник. Пока его зашивают, разглядываю сидящих в зале. Тут весь цвет труппы: народные артисты РСФСР Евгений Спранский, Семен Самодур, Зиновий Гердт, заслуженные артисты РСФСР Владимир Попрышкин, Владимир Майзель, Ева Синельникова. Эти антеры прошли с Сергеем Владимировичем. Образовыв большой путь. Различны их театральные судьбы. Семен Самодур, например, пришел в мир кукол как художник. Но Образов сумел угадать в нем будущего замечательного артиста. Так, Семен Самодур сыграл

Удивителен этот красочный мир — мир кукол. Причудливые сюжеты пьес, жизнь фантастическая и реальная, веселый юмор — по душе зрителю. Его благодарность и восхищение — всегдашние спутники спектаклей в этом лучшем из кукольных театров мира.

в театре десятки ролей, в том числе «создателя» в «Божественной комедии» и конферансье из «Необыкновенного концерта».

Только в кукольном театре проявился во всем блеске талант заслуженной артистки РСФСР Ирины Майзис. Когда-то она играла в ЦОБЭ, но Сергей Владимирович пригласил ее к себе и предложил взять в руки куклы. Она создала самые разнообразные роли: Петю Зубова, Тигрона Кота в сапогах, Верушу, Бесю, «русалку» разных видов — от молоденьких девушек до пожилых дам.

А море на сцене снова зыблет камни. Давид комичналет. Она как живая. Она залеписто хохочет, подмигивает, расплывается на наихудейшее.

Без Синельниковой делится со мной тайнами игры в куклы.

— Чтобы сделать куклу живой, заставить ее естественно двигаться, мало бывает одного антра — говорит она. — В «Итого» есть сцена, где мужчина ухаживает за девушкой. Зритель видит на сцене два образа, а актеры играют эту сцену в десять рук. Вспомните пару, которая танцует танго в «Необыкновенном концерте». За широкой ее ведут двенадцать рук...

Сергей Владимирович Образцов объявляет перерыв и идет в выходу. — Разговорники, ко мне в кабинет! — объявляет он.

— Все дальше углубился в театр. Иду много мастерских, пошивочных цехов, декорационных залов. Регулярная. Отсюда идет управление мощной световой «артиллерией» Образцова. Отсюда можно постать на сцену залл света в триста источников.

Говорят, что все пути ведут в Рим. В театре на Садово-Самотечной все пути ведут в кабинет Образцова. Где он увидел свой театр танки, какими мы его видим сегодня! Где «нравдательсь» ему и артистам эти необыкновенные залы с раздвижными деревянными окнами, из которых зрители в зал заглядывают кукули!

В этом удивительном театре многое поражает. И оркестр, упрятанный в завешену малого зала, и радиоаппаратура, окружающая зрителя морем самых разнообразных звуков, и часы, которые волшебной своей мелодией останавливают музыку мимо театра людей. Однако кричащий пух на скалочных часах кукольного дворца — это уже нечто реальное. Его прообраз разгудывает по «мизогу уголку» театре. Петуху Петю скоро предстоит путешествовать на деду Сергея Владимировича. Сейчас у него время обеда, и ему сыплют на пол зерно: «Петя, Петя...» Но Петя напряженно и его опережают взерошенные сизари. Голубей мальчишки принесли в театр. У них были крылья подбиты...

— Садам человек с большим серыми глазами работает у себя в кабинете. Нет, он не работает. Он живет здесь между репетициями и представлениями, окруженный делами и людьми, которые не оставляют его ни на минуту. Получить интервью в этом кабинете почти невозможно. Я и не пытался. Я сел в кресло и есматрировался: картины Тышлера и старинные часы, редкий кактус, подсвечники на головах бронзовых красавиц глиняные изделия латышес...

Дед коняра пытался овладеть вниманием своего зотизма.

— Слышите! Тот, что слева, синичкой подсытывает, — говорит Образцов. — Вот олять... Слышите!

Он отрывается от бумаг, которые ему положили на подпись. Взгляд его падает на стакан с «юльпанам».

— Как пазит... Элеонора Георгиевна, кто мне сегодня принесет... — Какой-то мужчина... Он не завелся.

Входит молодая женщина. — Я из Загорска пришла, Сергей Владимирович. Мы хотели бы в нашем клубе устроить ваш вечер...

Люди выходят и входят. Шестые и волшебники. По делу и просто так. Посидеть, если есть свободная минута. В кабинет заглядывает Зиновий Герат. Входит. Берет со стола Сергея Владимировича корзину с зелеными глазами и осминожками шуфляцами, удивленно рассматривает. Образцов тайносно улыбается.

— Сергей Владимирович, Рыбкина мама пришла...

Бююота Лидию Николаевну Нищенко называют так в театре с легкой руки Образцова. Все птицы и рыбы, населяющие театр, находятся под ее наблюдением. Сергей Владимирович ухаживает рядом с собой Рыбкину маму и торжественно объявляет: — Сегодня был у крокодила. Возможно итальян крокодил! Я присматривал его для нашего зимнего сада...

Интерес и сообщению велики. Все присутствующие обступают художественного руководителя.

— Так мы берем крокодила! — спрашивает Лидия Николаевна.

— Конечно. Давайте думать, как его устроить...

Образцов берет карандаш, лист бу-

маги и начинает рисовать «квартиру крокодила».

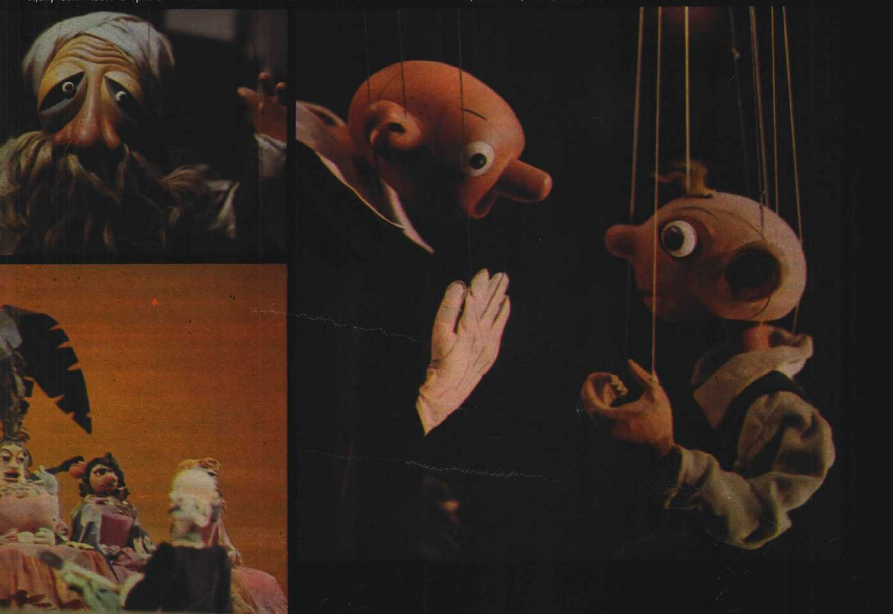
— Надо окружить крокодила стеклянным забором, чтобы взрослые не совали ему в пасть монеты, — замечает Образцов.

— Кстати — продолжает он, — на днях нам привезут коллекцию бабочек. Надо устроить бабочек в фоне.

— Не слышим ли много впечатлений! — замечает кто-то. — Зритель может перечесть.

— Человеку полезно получать удовольствие.

Визитная время вечернего спектакля.

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ТЕАТР ВЫШЕЛ
НА ПЛОЩАДЬ
2. «ТЕМ, КТО ПОГИБ
В БОРЬБЕ...»
3. ШОССЕ ПО
ПЕСКАМ САХАРЫ
4. «СУДНЫЙ ДЕНЬ»
ФУНТА СТЕРЛИНГОВ
5. СКОРЦЕНИ
РЕКОМЕНДОВАН
ДЛЯ ЧТЕНИЯ
6. МОЛОКО
ПО ТРУБОПРОВОДУ
7. НЕ КРАЖА, А...
ДЕЛЕЖКА
8. КНИГА-ГИГАНТ
И КНИГА-КАРЛИК
9. ОТКРОВЕННОСТЬ
КОМПЬЮТЕРА
10. «ПАПА ДОК»
НОМЕР ДВА
11. ОСТОРОЖНО!
ИГРУШКИ!

Материалы печатаются с
сообщениями или в изложении

1.

Городок Сент-Эндре (12 тысяч жителей) расположен в излучине Луизи. Он издавна считался городом художников, а в прошлом году Сент-Эндре был «экзотичнее» антарктиды. Впрочем, он ждал их уже долго, будто специально для театра подготовил дощатый — минеральные домины в стиле рококо, кожаные крытые улочки, упирающиеся в холмы дюрами.

Сент-Эндре, находившийся в двадцати километрах от негустой сельской местности, дано стал местом отдыха Суффриньера. Молодой театральный режиссер Андриэ Бенеш обратил внимание на потрясающую красоту этого края и на его живописность. Там возник уличный театр в Сент-Эндре.

Андриэ Бенешу помогла случайность: когда его артисты приступили к первой репетиции на площади, в городе проходила традиционная ярмарка. В праздничной, добродушной и веселой суете люди слышали детские крики и слышал, слышал выстрел из тира — и вот тут-то один из актеров отвалился читать свою роль неубоико громким голосом.

Люди стали прислушиваться, через несколько дней они уже специально собирались на репетиции, а затем — валились из окон и ждали (даже требовали) начала настоящего представления. Словом, повторилось то, что было некогда-то с бродячим комедиантом. А режиссер Бенеш продолжал развлекать свою идею: повесил объявление «Вход бесплатный, слышишь можно не снимать», выпустил первый спектакль мюзиклом и огромных мажских животных, настоящего ярмарочного зрелища.

Пестрое и веселое представление оспаривало в провинциальном театре, то старинная народная комедия, то сцены на современные темы. «Театр безудержно», непосредственно комедиантства» — так называют работу молодых актеров из Сент-Эндре нечасто в нашей стране.

«ВЕНЕРСКИЕ НОВОСТИ»

2.

Памятник сооружен близ юнопольского городка Кресценио в Подгале. «Тем, кто погиб в борьбе за становление народной власти» — эти слова выданы на каминете, автор которого — Владимир Гасер.

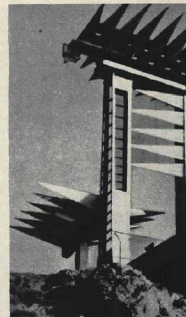
Своим творчеством он чаще всего говорит о войне, его волнует патристическая тема, он стремится почтить память героев народных битв. Это видно и из названий памятников, уже установленных скульптуром или существующих еще в набросках: «Заложники», «Расстрелянные профессора», «Постановки».

Когда сморщил работы Гасера, кажется, что изжелезый металл и бетон вопреки силе притяжения возносятся вверх. Ганов, например, пролет «Плакшима победоносной Советской Армии» — параше в воздухе скульптурное

изображение Икара установлено на уточненной конструкции, почти не закрывающей пейзажа. В своей работе польский скульптор использует огонь, который оживляет памятники своими бликами, или даже дыма, который станет одним из элементов монумента «Расстрелянным» в родном городке Гасера — Новы-Сонч.

Памятник «Тем, кто погиб в борьбе за становление народной власти» висит на взгорье, а скульптурное изображение монумента, высекаемые колокольчики и звонки, которые при дуновении ветра словно оплакивают погибших.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

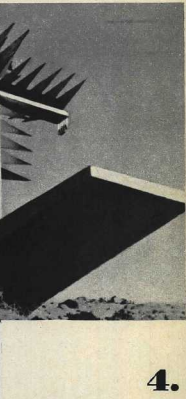
С неизвестных времен пересекать извилистый путь гигантского несущего туннеля Африки — Сахару. В начале шестидесятилетия возникла идея заместить здесь железную трассу железной дорогой. Основу французского акционерного общества подготовило техническое документацию и получило солидный бакалавский заем для этого строительства, однако первая мировая война помешала осуществлению проекта. В 1937 году основано французское акционерное общество, которых весьма привлекла перспектива перебраться Сахару автомобильной дорогой стратегического назначения. Но и этот план не был реализован из-за начавшейся войны.

В 1960 году Экономическая комиссия ООН для Африки вновь поставила на повестку дня вопрос о современном средстве сообщения в этой пустыне. Тря года спустя был объявлен международный конкурс на проект транссахарского шоссе. Лишь недавно жюри, составленное из экспертов ООН, объявило результаты конкурса. Первое место присуждено чехословацкому проекту, разработанному при

участии одной французской фирмы. Проект получил одобрение и государственного комитета строительства при правительстве Алжира.

Длина транссахарского автомобильной дороги составит около трех тысяч километров. Интересно, что первый этап строительства даст шоссе более полтора шириной в четыре метра, а впоследствии оно будет расширено до семи метров. Учитывая климатические условия Сахары, проектировщики предложили соорудить вдоль дороги артезианские колодцы на расстоянии 50 километров один от другого. Стройка должна быть осуществлена техникой, которую не предусматривали бы расчеты, она обходится в несколько раз дешевле, чем вблизи. В этом шоссе весьма заинтересованы Иггрия, Мали и Тунис.

«ПОГЛЕДЬ. ВОЛГАРИЯ»

Двадцатидвухлетний лондонец Дэвид Шиллинг подал в соответствующее учреждение просьбу об изменении фамилии; ему даже не надо было мотивировать свое заявление, ибо отныне именоваться Шиллингом на Британских островах — значит анахронизм. 15 февраля этого года в стране был официально объявлен переход на новую, десятизначную денежную систему, по которой фунт стерлингов будет состоять из ста новых пенсов.

Этот день в Великобритании именуется Днем десятизации, или сокращенно — «Дей». Однако, тем не менее, этот день применяется в английском языке для обозначения дня старинного судья. Соединение весьма выразительное, особенно если учесть, что процитированная английская притча новой денежной системы.

Судья, двенадцатилетний существовал чуть ли не 12 столетий. Именовался он Бодр деланн с фут на 20 шиллингов, а шиллинг, и свою очередь, — на 12 пенсов. Она состоит из пяти (21 шиллинг), поочередно два с половиной шиллинга, и современными (10 шиллингов) и т. д. Теперь ничего этого нет. Есть фут и новы пенсы — 100 старого пенсы. Но, Боже, что творится в автобусе, который идет из лондонского аэропорта в город.

Проезд стоит 40 новых пенсов. Для любого жителя континента это означает почти-напросто четыре гинеи. А лондонца, конечно, мучительно морщит лоб: 40 новых пенсов — это 16 старых, что дает в ышках шиллингов... и пенсов... С началом нового года отчетливо вместе с корреспонденцией разнесли по всей стране 20 миллионов визиточек под названием «Ваш справочник по десятичным деньгам» (с первого по третий). Специальный комитет во главе с лордом Филсом установил в качестве нового метода полтора миллиона фунтов стерлингов. На новую систему переучивались банковские кассиры и перестраивались продав-

цы-автоматы. Но все же протестующие голоса не замолчали (напротив, слышны громкими новыми делами).

И дело здесь отнюдь не только и не столько в приверженности английской традиции. Было подсчитано, что уже через шесть недель после перехода на десятичную систему денег вырастет на 6,5 процента. Это прежде всего коснулось 100 тысяч безработных и пенсионеров. Правительство же отозвалось от тестирования цен. На случайно во время телепередачи, где лорд Филип отметил в пользу большой группы людей, римских в студии, один из них с горечью сказал: «Блажен кто захотелся только о богатах...»

«ЮМАНТЕ-ДИМАНИ», ФРАНЦИЯ

your guide to decimal money

HALF PERRY DAY FRIDAY 14 AUGUST

OP DECIMAL CURRENCY

5.

В неонацистской газете «Дойче националь-цайтунг» появилось рекламное объявление издательства Хельмута Крамера. Предлагается купить книги «Жизни в опасности» и «Мы сражались — мы проигрывали», написанные постоянным автором этого издательства, небезызвестным гитлеровским полковником. После войны обергруппенфюрер СС Скориенко уполномочен искать в Германии, а через некоторое время он объявился во франкфуртском Нидерланде, где живет и сейчас, занимается бизнесом и пописывает книжки. Мюнхенское издательство Крамера сохотно публикует труды нацистского военного преступника. Правда, недовольно в земде Северный Рейн — Вестфалия они были внесены в список литературы, «вредительской воспитания молодежи». Но это лишь означает, что в указанной области ФГГ издатель Скориенко не могут сами рекламировать его писания. Потому что они и прельсти и помощи неонацистского листа. Что

же касается «Дойче националь-цайтунг», то она, рекомендуя своим гражданам ФГГ немедленно ознакомиться с творчеством Отто Скориенки, добавляет: «Обе статьи являются в первую очередь мировая пресса... В Израиле они стали учебниками для офицеров учебных Тель-авивского издательства «Идариан». Эти книги принадлежат к лучшим произведениям о второй мировой войне».

Странное второе рекомендательное сообщение — хорошо известно человечеству. Не менее ясно и политическая обстановка, что рекомендует его молодежи.

«ЗЛАП», ФРГ

6.

350 тысяч литров молока ежедневно перерабатывается в ГДР по трубопроводам. Из его residues свыше 70, прирост — 300 миллионов — от 30 до 300 километров. До недавнего времени для ежедневной транспортировки молока требовалось более миллиона 20-литровых бидонов, 20 тысяч человек было занято этой перевозкой. Строительство молокопроводов позволило не только освободить значительную рабочую силу (а в ГДР, где большая ценность рабочих рук, это весьма важно), но и увеличить транспортировку, строже соблюдать ее условия, не допускать молоко (в трубопроводах его температура в зависимости от времени года — от 4 до 14 градусов). В результате этого сокращения хозяйства республики уже получили экономия в 100 миллионов марок.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Экономический и Социальный совет ООН опубликовал материал, посвященный развитию некоторых европейских капиталистических стран за последние десять лет. На основании данных, предоставленных правительственными органами этих стран, эксперты ООН пришли к выводу, что пропасть между богатством и бедностью в капиталистической Европе продолжает углубляться. Доловое в этих материалах говорится: «Богатые еще больше разбогатели, а бедные — обеднели».

Финансовый зажиток, составляющий 10 процентов населения в Западной Европе забирал себе от 29 до 44 процента национального дохода, причем доля ее растет непрерывно. Если в 1954 году эти 10 процентов в ФРГ имели 41 процент всего дохода в стране, то в 1965 году уже 44 процента. Во Франции за тот же период соответствующая цифра увеличилась с 34 до 37.

Равный с «старшими мира» сегодня доход имеют в ФРГ 72 процента остального населения, во Франции — 70, в Англии — 60. Одновременно доходы беднейшей части населения (около 10 процентов) либо уменьшаются, как в Норвегии, либо остаются без изменений, как в Бельгии, либо, наконец, увеличиваются незначительно, как в Англии и Швеции. В документе ООН подчеркивается, что жизненный уровень беднейшей части населения в каждой стране с беднейшей частью во многих странах Африки и Азии.

«ДООКОЛА СВАТА», ПОЛЬША

8.

На весенней Лейпцигской ярмарке этого года типографское предприятие Пауля Алтмана (ГАР) выставило два экземпляра, которые привлекли всеобщее внимание, — книгу-паутину и книгу-карлик.

В первом случае речь идет о новом издании «Атласа великого курфюрста» (эта книга впервые была выпущена в XVII веке в Голландии). Размеры «Атласа» — 100 на 79 сантиметров — считаются уникальными в мировой книгоиздательской практике. «Атлас» исполнен работниками, которые изображены на снимке вместе со своим «детенышем».

Второй экземпляр — азбука, иллюстрированная датскими рисунками. Размеры буквиц — 3 на 2,5 миллиметра (рядом с ней для наглядности сфотографирована спичечная головка). До сих пор времени самой маленькой книжкой в мире, изданной типографским способом, считалась книжка, которую сделали в Японии в 1965 году (4 на 2,8 миллиметра).

«НБИ», ГДР

9.

В университете Франкфурта-на-Майне (ФРГ) была установлена современная электронно-вычислительная машина, которую «максимально» насытили подробной информацией о состоянии системы высшего образования в Западной Германии за последние годы.

Общественность ФРГ считает, что эта система устарела и требует коренной перестройки, связанной с этим компьютером в связи с единственным вопросом: когда, по его мнению, следовало бы начать реформу высшего образования? Ответ ЭВМ был краток: «в 1910 году!»

«ТИН», ШВЕЙЦАРИЯ

10.

Вручив самому себе титул почетного гражданина, гаттингенский диакон Франсуа-Жозеф, именуемый «папой Доксом», по всей вероятности, догадался, что человек смертен. В своей речи по

случаю Дня Независимости не испроस्ता напомнил жителю Гаттима, что римский император Август посетил во владении своей империи, когда достиг 19-летнего возраста. «Я намерен передать власть молодежи, когда наступит подходящее время. Ведь будущее принадлежит молодежи», — заявил Дювалье.

«Молодежь» в представлении «папы Докса» — это единственный 19-летний сын Жан-Клод. У юного отпрыска задатки отцовские: в 13 лет он смертельно ранил офицера дворцовой охраны, избрал его мишенью во время стрельбых упражнений. В настоящее время его до сих пор организовывались женщинами и автомобилями.

Однако во время церемонии по случаю Дня гаттингенской армии на дворецовой балконе вместо президента появился его отпрыск, который привлек внимание. Это было сигналом, что Жан-Клод Дювалье вступает в диктаторство. Позже стало известно, что он намерен возложить в знак уважения кавалера в свои руки тайную полицию — «тонто-макуто».

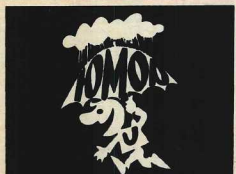
В гаттингенской столице ходили слухи, что врачи посоветовали старому Дювалье отказаться от своего поста в связи с состоянием его здоровья. Недавно «папа Докс» преставился, но нездорово до смерти он успел изменить конституцию и снизить минимальный возраст президента страны с сорока лет до двадцати. Оставшаяся правда, если она небыло вынута в свои руки тайную полицию — «тонто-макуто».

«ЛАН», США

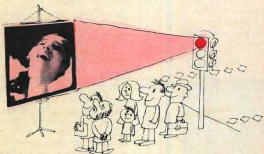
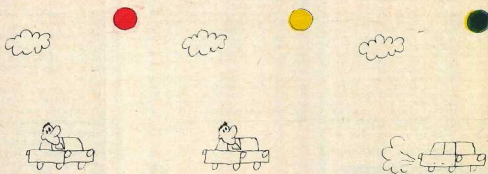
11.

Американские магазинчики завезли десятки шариков, которые имитируют взрыв, стрельбу, даже огонь напалма. Последний изобретение бизнесмена, открывающего новые узоры всевозможных «гай-бокс» (бомба замедленного действия, которая вылетит, как настоящая). Первой фирмой на рынке выделены в США Франция составила договор, участники которой требовали отобрать детей от взрывоопасной, разлетающейся души профукации. Однако преступный бизнес продолжает.

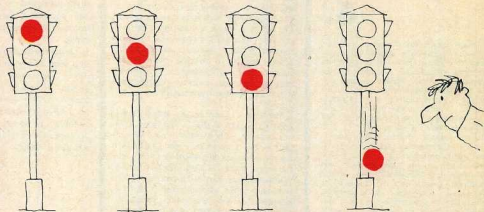
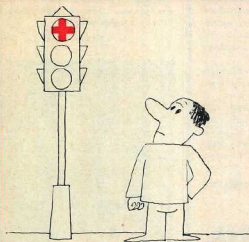
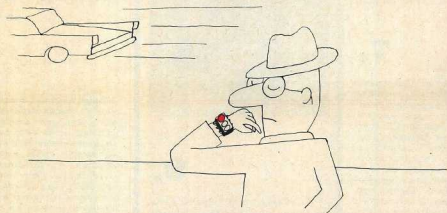
«УИЗЕР ПАТЕНТ», ФРГ

Рисунки Александра СЕМЕНОВА

**КРАСНЫЙ,
ЖЕЛТЫЙ,
ЗЕЛЕНый...**

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/IV 1971 г. А 06889. Подписано в печ. 20/IV 1971 г. Формат бум. 70 x 108 см.
Усл. печ. л. 3,69. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 916. Заказ № 1064.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газет «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ВАЛЬС ПРИ СВЕЧАХ

Слова Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО
Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Любите при свечах,
Танцуйте до гудка,
Живите при свечах,
Любите при всегда,
Ребята при часах,
Девичата при серьгах.
Живите при свечах,
Любите при всегда.

Присели на плечах,
Щека у свитера...
Начните при свечах,
Очнитесь при всегда.
Минуты, как года,
Но миллионы лет
На чьи-то сотни «Да!»
Ты отвечаешь: «Нет!»

Носите свитера,
Гусары пили джин,
Имели шивера,
Но не имели джинс.

Не вечны времена
Монарший и царей,
Но вечны имена
Наташа и Андрей!

Как в тысячу восемьсот
Двенадцатом году,
В двухтысячном всплывает
Девичка на мосту...
И пулево слыша
Стрелка случайного
Погашена свеча,
Свеча веначальная.

Любите при свечах,
Танцуйте до гудка,
Живите при свечах,
Любите при всегда,
Ребята при часах,
Девичата при серьгах,
Живите при свечах,
Любите при всегда!

Солово.

Музыка Оскара Фельцмана. Солово. По аккордам пропеть без слов.

Слова: ВОЗНЕСЕНСКОГО. Музыка: ФЕЛЬЦМАНА.

Кроссворд с пронумерованными клетками для заполнения.

КРОССВОРД

Составил В. ПОЛЯКОВ,
г. Николаев.

По горизонтали:

7. Областной центр в Казахстане. 8. Украинский писатель, лауреат Ленинской премии. 9. Русский музыкальный деятель, композитор. 10. Порода охотничьих собак. 12. Исполнитель ролей на сцене. 14. Пушной зверек. 16. Древнегреческий философ. 18. Судно на подводных крыльках. 19. Советский космонавт. 22. Часть круга. 23. Принасть. 24. Столица социалистического государства. 26. Драматическое произведение. 28. Ирландское объявление о предоставлении спонсиалах, кинофильм. 29. Столица одного из государств Северной Америки. 30. Словушие. 31. Польский астроном XV-XVI веков.

По вертикали:

1. Советский физик, трижды Герой Социалистического Труда. 2. Насилье, предохранившая от затопления. 3. Водолавающая птица. 4. Деталь фотографического затвора. 5. Фруктовое дерево. 6. Гриб, растущий в хвойных лесах. 11. Испанский писатель XVII века. 13. Судно, состоящее из двух корпусов. 15. Опера А. С. Даргомыжского. 17. Индийский писатель и общественный деятель. 18. Столица союзной советской республики. 20. Ярус в зрительном зале. 21. Драматургическое произведение для постановки фильма. 24. Великий русский поэт. 25. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Для Ваны». 27. Смазка для автомобильных и тракторных двигателей. 28. Герой древнегреческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:
7. Ветергон. 8. Муромец. 10. Фреза. 11. Луноход. 12. Нихх. 15. Энепримент. 16. Тольятти. 20. Аттестат. 22. Зари. 23. Слива. 26. Алоэстат. 28. Принасть. 31. Игальников. 32. Чирок. 34. Корень. 37. Зурна. 38. Верденев. 39. Португуч.

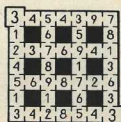
По вертикали:
1. Шидла. 2. Радон. 3. Веретико. 4. Корю. 5. Шую. 6. «Славяна». 9. Дюра. 13. Охотбарский. 14. «Иггеромос». 16. Пути. 17. «Мать». 19. Лесор. 21. Тарта. 24. Чина. 25. Урман. 27. Эспардет. 28. Нейтримо. 30. «Дьков». 31. Кисть. 35. Орех. 36. Эхор. 37. Занет.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕШНЫЕ» № 9

1. Какие три перевесения кружков с цифрами нужно сделать, чтобы из левой фигуры сделать фигуру правую?

2. От верхней цифры 3 нужно пройти к нижней цифре 3 по клеткам так, чтобы сумма чисел составила бы 110. Назови это число!

1.

2.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

С. БАБИКОВ, «Ранней осенью».

Р. ХАКИМОВ, «Песня о красных джигитках».

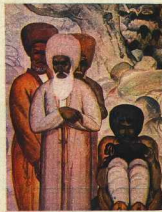

Д. БАЙРАМОВ, «Первые».

Ф. ХАКИМОВ, «Подлея».

А. АМАНГЕЛЬДЫЕВ, «Чабаны».

турменское искусство, сделать его еще ярче, богаче и разнообразнее.

Сейчас в турменской молодой живописи окрепла поэтическая стихия народности. Это очень важно, потому что творческий подход к вечно живым жизненным и эстетическим традициям народа обогащает нас не только художественно, но и нравственно: народному творчеству исконно была свойственна активная гуманистическая преустремленность, такая близкая нашему пониманию жизни и искусства. Талант злодейки — это не только живописное мастерство, это человечность, совесть, любовь к людям, ненависть ко злу, ответственность перед временем и обществом. В сопричастности душе своего народа, любви к людям и пониманию ответственности перед будущим — залог развития молодой турменской живописи.